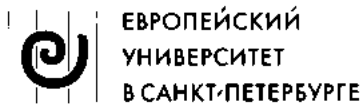

азбука понятий

Вадим Волков

Государство

УДК 342.34
ББК 66.2
Б67

Утверждено к печати Ученым советом Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Рецензенты: В. Вуячич (PhD professor of Sociology),
А. Ф. Филиппов (д-р социол. наук)

Научный редактор серии «Азбука понятий» Дмитрий Калугин

- Б67 Волков В. В.
Государство, или Цена порядка / Вадим Волков. — СПб. : Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 160 с. : ил. —
[Азбука понятий; вып. 6].
ISBN 978-5-94380-249-2

Сегодня государство представляется нам чем-то наподобие естественного ландшафта, ежедневным посредником во взаимодействиях между людьми. Мы используем категории, созданные государством, для описания и классификации окружающего мира. Эта книга дает возможность читателю создать дистанцию по отношению к государству и посмотреть на него с критической точки зрения. Здесь возникает множество вопросов. Как с нами случилось государство? Какова его генеалогия, какие социальные группы его создавали и видоизменяли? Природа государства раскрывается здесь через процессы становления монополии легитимного насилия, налогообложения и юстиции. Что государство дает взамен, изымая и перераспределяя ресурсы общества? Сбои в повседневном воспроизводстве могут приводить к краху отдельных государств. Но насколько реалистичны пророчества, касающиеся его отрицания или вытеснения другими формами регулирования общественной жизни? Понять Левиафана в действии поможет эта книга, написанная профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге, научным руководителем Института проблем правоприменения Вадимом Волковым.

© В. В. Волков, текст, 2018
© В. Б. Богорад, иллюстрации, 2018
© А. Ю. Ходот, оформление, 2018
© Европейский университет в
Санкт-Петербурге, 2018

ISBN 978-5-94380-249-2

содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	8
I. ПОНЯТИЕ И ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА.....	16
The state, l'état	18
Государство.....	20
Гоббс	29
Либеральная теория государства	36
Классовая теория государства	39
Теория социального государства	44
Реалистическая теория государства	50
II. ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА:	
КРИТИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ.....	58
Бандиты и государственники	59
Борьба на выбывание	66
Три базовых монополии	74
От частной монополии к публичной	80
Государства и революции	88
Государство и экономический рост	102

III. ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОСУДАРСТВА	114
Повседневное государство	115
Монополия символического насилия	120
Господство и сопротивление	122
Приватизация государства	126
Крах государства (<i>state failure</i>)	131
Россия 1990-х: крах и восстановление государства	133
Офшоры и торговля суверенитетом	139
IV. ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ...	146
Благодарности	157
ЧТО ЧИТАТЬ ПО ТЕМЕ?	158
SUMMARY	159

используемые в серии «Азбука понятий» обозначения

- Авторские комментарии
или библиографическая ссылка
- Краткая биографическая справка
- Определение термина или понятия
- Ссылка на другую книгу
из серии «Азбука понятий»
- Ссылка на страницу этой книги

Пагинация только нечетных страниц. Для определения номера соседней страницы необходимо уменьшить на единицу номер, указанный на цветном поле.

ВВЕДЕНИЕ

Длительное существование государства требует постоянного производства иллюзий относительно его действительной природы, повторения мифологии, скрывающей его происхождение. Крах государства, напротив, обнажает его действительную «механику». Неслучайно самые пронизательные идеи относительно природы государства рождались в моменты его крушения. Эта книга основана на таких идеях.

Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. <...> Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность¹.

Эти хорошо известные слова принадлежат раннему христианскому проповеднику Августину Аврелию (354–430), влиятельнейшему богослову и философу. Свой главный труд жизни «О Граде Божьем», откуда взята эта цитата, он пишет в момент крушения Римской империи, через несколько лет после постигшей немыслимой катастрофы – разграбления Рима вестготами в 410 году н. э. Интеллектуальная страсть Блаженного Августина была направлена на обоснование превосходства христианской веры над языческими богами Древнего Рима. Но для нас

*Государство существует не для того,
чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того,
чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад.*

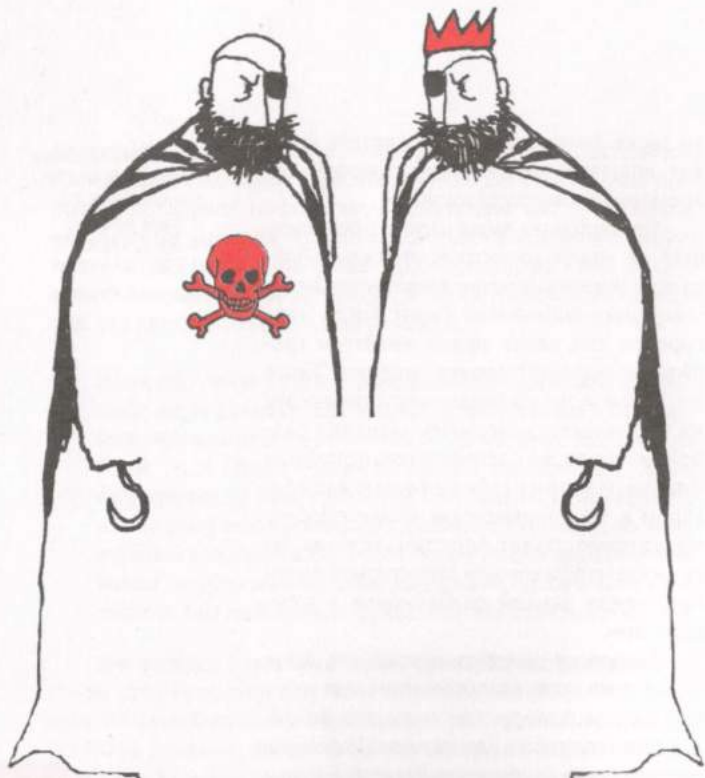
Николай Бердяев

он также реалист **17**, непитавший никаких иллюзий относительно природы современного ему государства.

Приведенная выше цитата продолжается не менее известной притчей. «Прекрасно и верно ответил Александру Великому один пойманный пират. Когда царь спросил его, какое право имеет он грабить на море, тот дерзко отвечал: “Такое же, какое и ты: но поскольку я делаю это на небольшом судне, меня называют разбойником; ты же располагаешь огромным флотом, и потому тебя величают императором”». На современном языке проблема, которую ставит Августин, звучала бы как «изоморфизм» или структурное подобие между бандой разбойников и государством.

Нельзя не заметить однако, что Августин все же указывает отличительную черту государства, которую он называет *iustitia*, т. е. справедливость или юстиция. Успешное завоевание и накопление богатства путем грабежа ведет к превращению банды грабителей в политическую организацию, но качественная разница между ними если и возникает, то лишь с появлением

1 Блаженный Августин.
Творения: В 4 т. СПб.:
Алетейя, 1998. Т. 3:
О Граде Божием.
Книги I–XIII. Кн. IV.
С. 150.

ограничений, связанных с необходимостью соблюдения прав и принципов справедливости. Оставляя высшую ценность за Градом Божиим (*Civitas Dei*), т. е. сообществом, созданным верой в единого Бога, и противопоставляя его Граду Земному (*Civitas Terrena*) — сообществу людей и падших ангелов, ведомых страстями и желанием мирских благ, — Августин тем не менее прекрасно понимал необходимость государства. В основе государства лежит согласие (*concordia*) всех и каждого — в первую очередь согласие в христианской вере, — но все же обеспечивать защиту от внешних врагов и охранять собственность в таком сообществе должна вполне себе светская ипостась.

Проблема с процитированным текстом Августина в том, что это перевод. В латинском оригинале есть *regnum*, а никакого «государства» нет — и не будет ни в одном из известных языков еще более тысячи лет. Язык западной политической теории долго будет пользоваться понятиями *regnum* (королевство, домен правителя, его собственность), *civitas* (город или любая политическая единица под единым правлением, аналог греческого *polis*), *commonwealth* (сообщество), *respublica*, *imperium*. В русском это будут «княжество» или «царство». Собственно, *the state*, *l'état*, *lo stato*, «государство» войдут в употребление в современном смысле только с XVIII века.

Тогда как правильно мыслить государство? Стоит ли приписывать грехи политических образований далекого прошлого

тому, что мы теперь называем государством? Правильно ли полагать преемственность между всеми этими «градами», «княжествами», «королевствами», «империями» и той всеобщей и привычной средой обитания, которую мы знаем как «государство»? Или же идеология, проецирующая с помощью языка эту форму на всю известную политическую историю человечества, должна быть отброшена и заменена другим методом, более внимательным как к смене понятий, так и к сдвигам в стоящей за этими понятиями действительности?

Еще одна проблема в том, что современное государство производит и навязывает мыслительные категории, включая те, посредством которых следует осмыслять его самого. Это проецирование представлений при помощи языка, символов, различий является неотъемлемой частью господства, *modus operandi* государства. Французский социолог Пьер Бурдьё предупреждал об опасности, «которой мы подвергаемся всякий раз, когда думаем посредством государства, считая, что мы сами так думаем»¹. Например, мы естественным образом делим мир на преступников и обычных граждан, рассуждаем о фискальной политике, «населении», правовой культуре, привычно используем систему мер и весов, созданную государством. Это может быть удобным и естественным в повседневной жизни, но для понимания государства требуется то, что обществоведы называют радикальным сомнением или острашением², — здесь необходимо и очень внимательное отношение к категориям, к способу рассуждения.

Итак, мы обнаруживаем как минимум три проблемы, требующие осмотристельности. Первая проблема — это изысканные проклятия в адрес государства, которыми полна история политической мысли. Они вызваны одновременным пониманием его насильственной природы и осознанием его необходимости. Это понимал уже Блаженный Августин. Экономисты выражают дилемму более деликатно: «Существование государства необходимо для экономического роста; государство, однако, является источником рукотворного экономического упадка»³. Поэтому, размышляя о государстве, надо опасаться

интеллектуальных соблазнов, следующих из этой двойственности: как апологетики государства, так и анархизма.

Вторая проблема состоит в трудности соединения исторического и аналитического понимания государства. Если подходить строго исторически, то придется признать, что государство — это лишь то, что называется таковым, а такое название появилось сравнительно недавно. Поэтому до появления соответствующего понятия государства и не было, а что было — совсем другая история. Если же, наоборот, взять некоторый сущностный признак и положить его в основу определения государства, то мы начнем находить их уже в четвертом тысячелетии до нашей эры. Чтобы не впасть в номинализм , но и не проецировать единую сущность на всю историю, надо увидеть продолжающийся и по сей день процесс, в ходе которого однажды возникло и, возможно, в какой-то момент исчезнет государство.

Третья проблема связана с повседневным отношением к государству как природному ландшафту нашей жизни. Думать как государство, думать посредством государства, исследуя его, — занятие

i Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН. СПб.: Алетейя, 1999. С. 128.

ii North D. Structure and Change in Economic History. New York: Norton, 1981. P. 20.

 Остранение — термин, появившийся благодаря опечатке, с одним «н» вместо двух. Обозначение литературного и методологического приема, которым теперь пользуются писатели, социологи, антропологи для того, чтобы преодолеть естественное и привычное восприятие чего-либо и увидеть некоторый предмет по-новому, создать критическую дистанцию.

 Номинализм — учение о том, что общие понятия («государство», «животное», «чувство») — это только имена имен, за которыми не стоят реальные сущности и которые не могут применяться к каждой вещи соответствующего класса. Предельным номинализмом было бы сказать, что имя «государство» — пустое и его надо заменять наименованиями «Датское королевство» или «Великое княжество Литовское» и т. п. в зависимости от того, о чем идет речь. См. также книгу «Демократия» серии «Азбука понятий», с. 113.

бесперспективное, если за него берется ученый, а не идеолог. Ученому требуется ресурс дистанцирования.

Так как же следует мыслить государство? В общих чертах ответ такой: чтобы не попадать в ловушки, созданные самим государством, его надо исследовать как с точки зрения происхождения и последующей эволюции, так и в плане повседневной практики, используя техники остранения. Самые подходящие средства для решения этой задачи — критическая генеалогия и антропология.

Критическая генеалогия — авторский метод Фридриха Ницше — разворачивается в жанре исследования происхождения какого-либо института или явления (е.г. морали, наказания, познания, права, научной истины) и его последующей эволюции. Ницше утверждает, что «причина возникновения какой-либо вещи и ее конечная полезность... расходятся между собой; что нечто наличествующее, каким-то образом осуществившееся, все снова и снова истолковывается некой превосходящей его силой сообразно новым намерениям, заново конфискуется, переустраивается и переналаживается для нового употребления...»¹. Если обычная генеалогия — это создание линейной истории, поиск «благородных» предков в целях возвеличивания современников, то критическая генеалогия, как ее демонстрировал Ницше, наоборот, начинается с подозрения о низких, сомнительных первоисточниках и множественных подменах по пути к настоящему. Прослеживая истоки и дальнейшие превращения, генеалогия дает возможность переоценки ценностей и хотя бы временно освобождает думающего от власти навязанных извне понятий и образов. Антропологическое наблюдение делает то же самое, но в режиме «здесь и сейчас» — позволяет сделать шаг назад от само собой разумеющегося, «естественного» порядка вещей к пониманию того, как он производится на практике. Но прежде чем воспользоваться этими инструментами, следует отдать дань словоупотреблению и истории понятия.

Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения в 2 томах. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 455.

Искать такого рода первоисток — значит пытаться обрести «то, что уже было», «то самое» некоего в точности соответствующего себе образа; это значит принимать за внешние случайности все имевшие место перипетии, все хитрости и перевоплощения; это значит поставить себе целью сорвать все маски и открыть наконец изначальную идентичность. Между тем, если генеалог берет на себя труд прислушаться к истории, вместо того чтобы верить метафизике, — что узнает он? Что за вещами скрывается «совсем другая вещь»: не некая вневременная тайна их сущности, но тайна, состоящая в том, что у них нет сущности — или что их сущность была постепенно, шаг за шагом, выстроена на чуждых ей основаниях. Разум? Но он родился совершенно «разумным» образом — из случая. Приверженность истине и строгость научных методов? — Из страсти ученых, из их взаимной ненависти, из их фанатичных, постоянно возобновляющихся споров, из необходимости одержать победу — оружие, медленно выковывавшееся в ходе личных схваток. А свобода — может быть, она есть то, что на уровне корней связывает человека с бытием и истинной? На самом деле она — не более чем «изобретение правящих классов». Там, где лежит историческое начало вещей, мы вместо сохранившейся идентичности их первоисточника находим раздор-столкновение других вещей, разногласицу*.

Мишель Фуко

* Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Ницше и современная западная мысль: сборник статей / под ред. В. Каплуна. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 535–536.

i. понятие и теории государства

При употреблении слова «государство» очевидны два лексических свойства.

Во-первых, это слово носит отвлеченный (абстрактный) характер, передаваемый суффиксом «-ств». Во-вторых, допуская конструкции типа «государство повысило пенсии» или «государство объявило войну», язык приписывает ему свойства субъекта действия, несмотря на абстрактную форму, которая этому должна противиться.

Сравните условность фразы «ничтожество поменяло свою политику» или «богатство постучалось в дверь» с общеупотребительным «государство вступило в союз»: в случае «государства» язык легко обращается с отвлеченной сущностью, как если бы это был наблюдаемый и конкретный деятель. Такое встречается в общественно-политической лексике (ср. «общество» или «крестьянство»), но не типично для нее («гражданство», например, не наделено свойством субъекта).

История понятий покажет, что такой сдвиг в понимании государства произошел недавно. Фиксируя моменты и контекст, когда термин «государство» (*state, l'état, stato, Staat*) появился, менялся и приобретал современные черты, история понятия укажет, куда смотреть и где искать причины изменений, но не объяснит их. С переходом к Новому времени — прием в качестве этого рубежа середину XVI века — начали появляться систематические трактаты, посвященные природе власти и государства. Большинство их авторов, таких как Никколо Макиавелли (1469–1527), Жан Боден (1529–1596), Гуго Гроций (1583–1645), Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694), Джон Локк (1632–1704)

или Феофан Прокопович (1681–1736), занимали высокие посты на королевской службе и стремились оказать влияние на правителей или обосновать их политику. Тексты многих из них носят рекомендательный характер и описывают не то, чем государство является, а то, каким оно должно быть. Соответственно, их можно назвать *нормативными* теориями, поскольку в них есть сильный элемент предписания.

Но позднее появляются *реалистические* теории государства, которые стремятся показать, чем государства являются на самом деле. Первые наработки такого видения мы находим у английских утилитаристов , по-видимому, в силу их последовательного эмпиризма – привычки полагаться только на непосредственные наблюдения и отказа верить в абстракции. Критическая теория Карла Маркса подчинена политической программе, но уже имеет твердое реалистическое ядро. Утверждение реализма в качестве наиболее влиятельной теории государства произошло только с переходом к Новейшему времени – будем считать, после Первой мировой войны – с развитием социологии и ее критического взгляда на историю, прежде всего, в лице немецкого социолога Макса Вебера. Вся веберовская мысль вплоть до наших дней есть развитие реалистического подхода к государству. Этот подход замечателен тем, что обладает сильным иммунитетом против навязываемой самим государством идеологии.

 Утилитаризм – направление в философии морали, сводящее ее смысл к полезности. Его яркими представителями были И. Бентам и Дж. С. Милль.

 Политический реализм, предложенный Вебером в качестве теории формирования государства, впоследствии утвердился и как основная теория отношений между государствами. Политический реализм включает следующие положения:

- 1) Изначальной политической реальностью является конкуренция за власть и господство;
- 2) Субъектами этой конкуренции являются автономные организации, называемые государствами;
- 3) Каждое из них заботится прежде всего о собственной безопасности и отстаивает исключительно собственные (национальные) интересы;
- 4) Поскольку ничто не ограничивает их в средствах, периодическое применение насилия неизбежно. См., например: *Smith M. J. Realist Thought from Weber to Kissinger.* Baton Rouge, LA: LSU Press, 1986.

1 The state, l'état

В европейских языках современное *state* произошло от слова *status*. В римском праве это был правовой статус лица, и это значение сохранилось до нашего времени. Но в мире правителей средневековой Европы, соревновавшихся друг с другом в жестокости и показном величии, это слово было присвоено коронованной особой и надолго к ней приросло. Авторы трактатов о правлении и наставлений королям обозначали терминами *status regis*, *estat*, *stateliness* особое величие правителя и его *смать*, что соответствовало способу отправления власти. Внушение страха, трепета и почтения, без которых невозможно было удержать престол, требовало наглядного явления королевской персоны. В 1290-е годы Жиль Римский, наставник Филиппа Красивого, будущего короля будущей Франции (а в то время еще небольшого удела), поучает его тому, сколько денег подобает тратить королю и как поведением соответствовать высокому *estat*.

Ранние сдвиги смысла, связывающие *estat*, *state*, *lo stato* с состоянием управляемого города (*status civitatis*), а не только с положением правителя, восходят к республиканской традиции эпохи Возрождения. Там господствовавшее политическое тело состояло из всех граждан и не сводилось к персоне наследного правителя. Современный английский историк Квентин Скиннер, глубокий знаток генеалогии политических понятий, находит зачатки понимания *lo stato* как домена принца и его образа правления именно в итальянских городах-республиках. Он приводит много случаев раннего политического употребления этого слова у таких авторов, как, например, писатель-гуманист Веспасиано да Бастичи, повествующий о том, как враги Козимо Медичи во Флоренции установили новое правление в 1434 году, — «им удалось изменить *lo stato*». На страницах «Il Principe» (в русском переводе «Государь») Никколо Макиавелли уже употребляет *lo stato* привычным образом в смысле состояния управляемого домена и аппарата власти. Как у Макиавелли, озабоченного рецептами для удержания власти

принципала, так и у последующих итальянских авторов дидактического жанра «зерцало для принца», встречаются советы по сохранению границ и благосостояния *lo stato*. Однако это еще далеко от знакомого нам понятия государства как области, отделенной от персоны правителя²⁹.

На протяжении последующих столетий в Западной Европе размышления о природе политической власти становились все более интенсивными, но знакомое нам понятие государства появилось только к концу XVII века. При этом слова типа *civitas, respublica, commonwealth* были более привычными, чем *state* или *état*, которые к тому же имели много различных значений, среди которых близкое к «государству» долго оставалось маргинальным. В сочинениях французского политического философа XVI века Жана Бодена, теоретика монархии и суверенитета, *estat* употребляется в шести различных смыслах, тяготеющих как к состоянию, сословию, так и к политическому режиму и сообществу³⁰.

У Гоббса, по которому проходит интеллектуальный водораздел, новая мысль о государстве вполне ясная, но словарь такой же эклектичный, как и у его предшественников. Он размышлял о том, как можно себе представить политическую власть отдельно и от народа, и от короля. И избрал искусственного человека, смертного бога Левиафана, в пользу которого все и каждый отрекается от своей власти (подробнее об этом ниже) ²⁹. Как только происходит такое отречение, появляется

ⁱ Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках: сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2004. С. 12–74.

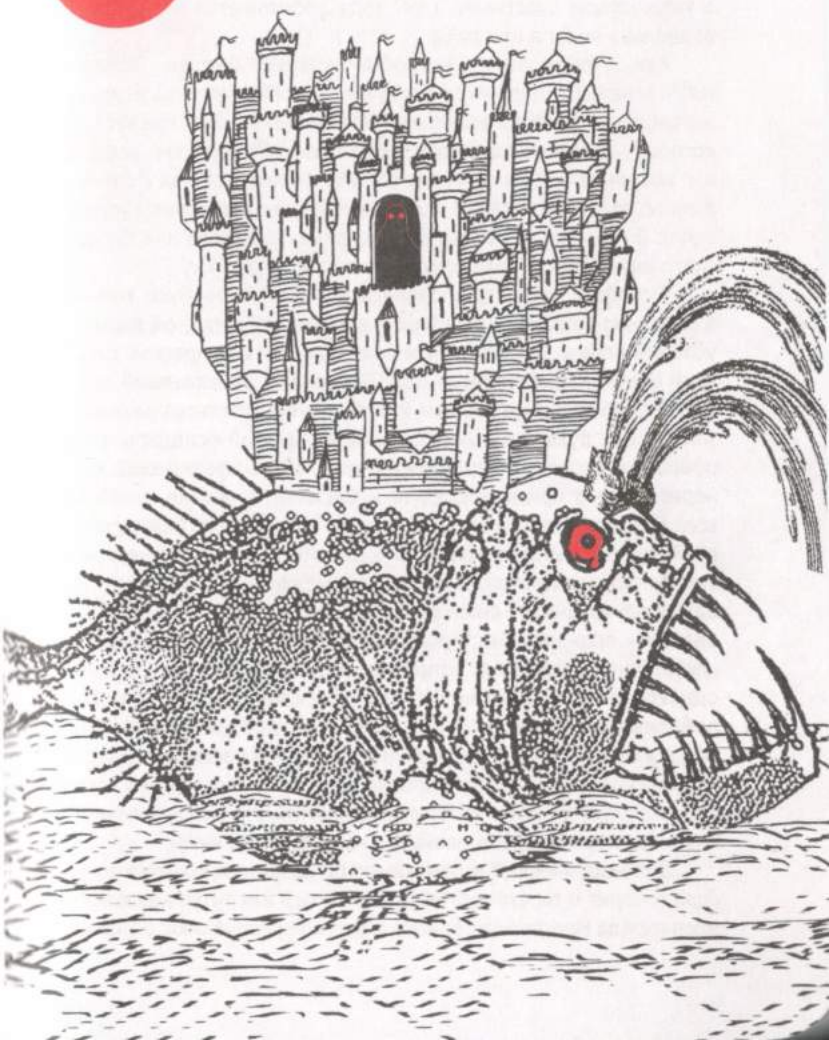
ⁱⁱ Кола Д. Политическая семантика "Etat" и "état" во французском языке // Понятие государства в четырех языках. С. 83–95.

власть, отдельная и более сильная, чем какой-либо человек, включая короля, или даже все люди вместе. То, на что по своей природе не способны люди и что уже не в состоянии обеспечить король, а именно мир и безопасность, под силу только этому новому образованию, которое Гоббс называет *Commonwealth* или *State*. В «Левиафане» еще сохраняется прежний лексикон (*civitas, commonwealth, city*), но для того, чтобы выразить новую идею государства как искусственного создания, отдельного как от правителей, так и от управляемых, он настойчиво предлагает термин *the State*.

Быстрое утверждение нового термина, устаревание прежних понятий и вообще рождение нового языка нельзя приписать интеллектуальному усилию одного или нескольких людей. Новое употребление артикулирует нечто уже существующее на практике, но еще не получившее надлежащего имени. К началу XVIII века авторы рассуждений о природе и источниках политической власти вполне привычно используют слово *the state* и обозначают именно этим словом сообщество людей, объединенных политической властью. Ко времени революционных потрясений в Европе конца XVIII — середины XIX века государство уже прочно ассоциируется с аппаратом управления, отдельным от правящей персоны или группы. Это дает основания Марксу в 1850-х годах описывать общественные движения его времени как борьбу за захват государства, как если бы оно было некоторой объективной данностью или господствующей высотой наподобие средневекового замка.

2 Государство

В русском языке до конца XVIII века словом «государство» пользовались редко. Политическая лексика знала прежде всего «княжество» и «царство», а главным действующим лицом был великий князь, а затем царь. Но был и государь. Термин «государство» образовался от «государь» или «господарь» (осподарь), которые, в свою очередь, связаны с церковнославянскими

«оспода» или «господа», обозначавшими домашнее хозяйство или владение. *Господарь* как хозяин встречается в новгородских берестяных грамотах уже в XI веке, а в судебных грамотах и в московском судебнике 1497 года упоминается в значении владельца холопа или раба.

Как утверждает венгерский историк Андраш Золтан, в XIV веке в качестве титула великих князей *господарь* использовался в западно-славянском Галицко-Волынском княжестве, которое поддерживало отношения и с латинским миром, и с восточными соседями. На латыни он писался как *Domīnus Russiae*, а в переводе на «славянский» как *господарь Русской земли*. В Московию этот титул пришел из Польского или Литовского княжества через дипломатическую переписку.

Господарь как титул появился в Московской Руси только в середине 1430-х годов, причем в контексте затяжной междоусобной войны за московский великокняжеский престол. Дмитрий Шемяка (двоюродный брат Василия II), захвативший престол в 1446 году, был первым, кто отчеканил этот титул на монетах. На них буквы «Д. о.» обозначали Дмитрий-осподарь, а на оборотной стороне было отчеканено *осподарь земли русской*. Уже через год его примеру следует и Василий II, чеканя *осподарь всея Руси* сразу после восстановления на престоле. Семантический сдвиг от бытового «хозяин» к *господарь* как политическому титулу направляется логикой борьбы между князьями. Для создания однозначного символического контраста и закрепления властных полномочий старого титула «великий князь» уже недостаточно (Новгород, например, признал великим князем одновременно и Дмитрия Шемяку и Василия II). В ходе борьбы победитель каждый раз присваивает себе этот дополнительный титул, а Иван III, сумевший надолго удержать и расширить власть московского престола, уже прочно закрепляет его, чеканя *государь всея Руси* на монетах и личных печатях. Это уже не великий князь как первый среди равных, а господин над ними.

О символической и политической важности понятия *государь* говорит и то, что оно использовалось как титул независимого города Новгорода периода боярской республики, а значит,

Титулатура Ивана III: «Иоанн, Божьей милостью государь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Пермский, Югорский и Болгарский и иных».

обозначало не физическое, а политическое тело. Важные акты подписывались «повелением всего *господина государя Великого Новгорода*»¹.

Параллельно в дипломатической переписке с Литовским княжеством в канцелярии митрополита Ионы в грамоте 1451 года впервые встречается и производное слово *господарство* как область правления. Позже оно также встречается в дипломатической переписке с Польшей как аналог или перевод *panstwo*, то есть как область, на которую распространяется правление государя².

Использование слова «государство» как политического понятия фиксируется в контексте военного подчинения Новгорода Иваном III. Тот факт, что новгородские посланники, явившиеся в Москву весной 1477 года, называли Ивана III «государем», а не «господином», был воспринят им как готовность отказать независимость и признать безраздельное господство великого князя над республикой. Иван послал туда своих бояр узнать, «какова хотят государства», но Новгород отказался подтвердить факт употребления нового титула по отношению к Ивану, т. е. настоял на независимости. Это стало поводом к войне. В последующих переговорах в 1477 году, уже с позиции силы, во главе войска, подошедшего к Новгороду, Иван III, если верить летописи, несколько раз использует слово «государство», чтобы описать тот порядок, который собирается навязать. «Хотим государства на своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве; и вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти. Ино то которые мое государство?» Здесь Иван III говорит о том, что в Новгороде будет такая же отчина (вотчина), как в Москве, и не надо-де ставить условия, как устроить *мое* государство. После заверений новгородских бояр о том, что они урок не чинят, и просьбы пояснить, как «держат государство в Низовской земле», т. е. Москве, получают ответ: поскольку это теперь будет наша московская отчина, то выбранному посаднику не быть, вечевому колоколу не быть, «а государство все нам держати»³.

Здесь «государство» явлено в том значении, в каком оно понималось в досовременной Руси. С одной стороны, это одновременно область, земля и способ правления в ней (суть переговоров – какому государству быть). С другой стороны, в понимании Ивана III это полное и безраздельное господство, причем государство может «держат» лишь один правитель. Власть и собственность в *таком* государстве (отчине государя) совпадают. Это вполне соответствует канону европейских монархий того времени, но специфика русского понятия государства – в более прямой, буквальной связи с фигурой правителя-государя (что было в связке *dominus – dominium*, но отсутствует в *the state*) и в смысловой отсылке к *его* (в)отчине.

В летописях XVI века, как пишет историк Михаил Кром, слово «государство» обнаруживает целый веер значений: престол, власть государя, его правление (пробывание на престоле), подвластные ему территории – но все они неразрывно связаны с личностью правителя^{iv}.

Далее это понимание – *единого государя государство* – будет только укрепляться вплоть до конца XVII века. Православная церковь последовательно проповедует идеологию верховной власти царя над всеми подданными, произошедшей от Бога и лишь ему подотчетной. Есть царь, земля и холопы на ней. Тем не менее историки фиксируют и появление уже в период царствования Алексея Михайловича зачатков современной идеи служения

i Чашина Е. А. Лексический состав титулатуры в памятниках деловой письменности Московской Руси XV–XVII веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 22 (203). С. 142.

ii Золтан А. К. Предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры: В 5 т. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 579.

iii Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.: Издательство АН СССР, 1949. С. 317–318.

iv Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь в XV–XVI вв. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 228.

государству, а не государю, а также различия между государственной службой и государевой¹.

Явный сдвиг в понятии государства происходит на протяжении XVIII века. Обычно он приписывается самому Петру I, который и про себя говорил, что «для общей государственной пользы он персоны своей не щадит», и подданных своих призывал к тому, чтобы служить государству, а не царю. Из этого можно было бы заключить, что появилось понятие государства, отдельное и от всех подданных и от самого царя нечто, интересам которого все они служат.

Однако главный политический трактат, оставшийся после петровского времени, а именно «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича (архиепископа и главного идеолога Петра), не допускает такой трактовки. Как следует из названия, сам трактат должен был обосновать принцип завещательного престолонаследия, закрепленного царским указом от 5 февраля 1722 года, т. е. право монарха назначать преемника по своему усмотрению (а не по праву первородства от отца к старшему сыну). И как раз для этого Прокопович, будучи отлично образован в Киево-Могилянской академии и Иезуитской коллегии в Риме, использует арсенал западной философии естественного права (он же организует переводы Гроция, Пуфендорфа и Локка).

Специфика трактата Прокоповича в том, что доктрина естественного права и общественного договора используется им исключительно для обоснования неограниченной власти монарха². Изначальным источником политической власти является народ, который, устав от естественного состояния вражды, но уже будучи единым, передает всю власть государю навсегда, а тот обязан править «к общей пользе» (т. е. во имя общественного блага). Если же правление худое, то ничего не поделаешь, придется ждать следующего государя, поскольку русский общественный договор, по мысли Прокоповича, не предполагает возврат царской власти народу при живом монархе. Обязанность монарха состоит и в том, чтобы выбрать достойного преемника. И только в случае смерти и отсутствия

воли (завещания), власть снова переходит к народу и, как это однажды было в русской истории, народ (т. е. его представители) снова выбирает монарха.

Само государство понимается в этом трактате как продолжение государя и ни в коем случае не как отдельное сосредоточие суверенной власти, превосходящее и народ, и монарха. «Понятие о государстве как юридическом лице в "Правде воли монаршей" совершенно отсутствует, — пишет в своей книге 1915 года будущий известный социолог права Георгий Гурвич, — монарх не орган государства, а собственник власти, отчужденной в его пользу прежним собственником — народом...»ⁱⁱⁱ. Тем не менее шагом вперед в развитии идеи государства все же стала воспринятая Петром, его окружением и будущими правителями идея общественного блага, из которой вырастет понимание различия между государством как сосредоточием публичного интереса и частной сферой.

То, как заботиться об общем благе, поясняет другая адаптация западной мысли, написанная в 1783 году при непосредственном участии Екатерины II в жанре популярной дидактической литературы. Она озаглавлена «О должностях человека и гражданина» и предназначена для чтения во всех училищах Российской Империи. Заголовок дословно повторяет книгу Пуфендорфа о естественном праве и заимствует из него основные представления. Выдержав более десяти переизданий, брошюра Екатерины долго была основным

i Хархордин О. Что такое государство? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. С. 175–176.

ii Теоретики естественного права предусматривали и ограниченную (законами и представительными институтами) монархию, а сторонники контрактной теории — прекращение «контракта» с монархом в случае плохого правления и произвола.

iii Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев: Типография Маттисена, 1915. С. 15.

учебником для нравственного воспитания – в том числе поколения декабристов и Пушкина.

Что должны были усвоить из него ученики? Прежде всего то, что «истинный сын отечества должен привязан быть к государству, образу правления, к начальству и к законам». Государство здесь вводится как синоним общества и отечества, иногда как гражданский союз, «в котором все живут под одной державою и одними законами». Общая мысль брошюры состоит в том, что и у государя, и у всех сословий, и у каждого человека есть обязанности по отношению к отечеству (оно же общество и государство), которые детально перечислены. Их исполнение называется «любовью к отечеству». Екатерининская брошюра ввела в широкий оборот практически всю отвлеченную политическую лексику, которой в России будут пользоваться на протяжении следующего века (государство, гражданское общество, отечество, народ). Пройдет немного времени, и Н. А. Карамзин в 1818 году выпустит многотомный труд, в названии которого, в отличие от текстов всех предшественников, писавших русскую историю, уже появится «государство» («История государства Российского») – спроецированное назад во времени и поставленное у истоков истории.

Историю понятия во многом определяла не только политическая практика, но и политическая теория, в которой целенаправленно обсуждалась природа государства. Некоторым авторам – о них пойдет речь ниже – удавалось поменять язык и представления политических элит, политическую культуру. И тогда теория влияла и на сферу права, и на строительство институтов. Возникшие более двух столетий назад различия в традициях мысли, в частности между правой и левой, между либеральной и социал-демократической, существуют до сих пор. Особняком стоят произведения английского философа и ученого Томаса Гоббса (1588–1679). Его тексты настолько богаты идеями, что вдохновляли как либеральную, так и монархическую мысль; как идеалистическую немецкую философию, так и социологический реализм. Поэтому ему положено отдельное место.

3 Гоббс

Учитывая основной предмет той великой книги, можно сказать, что «Левиафан» создавался в благоприятных творческих обстоятельствах — в контексте «беспорядков настоящего времени», как тактично замечает автор. Шесть лет разрушительной гражданской войны в Англии, поражение короны, казнь короля в 1649 году и крах государства вынуждают роялиста Гоббса бежать во Францию. Установившаяся после казни короля республика находится в состоянии острых дебатов между военными, сословными, религиозными группами по поводу оснований власти и политического устройства. Континентальная Европа, тридцать лет до этого пребывавшая в состоянии религиозной войны, только начинает из нее выходить — в 1648 году заключен Вестфальский договор, провозгласивший новые принципы взаимоотношений между странами, основанные на понятии суверенитета.

«Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» публикуется в 1651 году. Опыт Гоббса как современника катастрофических событий сделал его реалистом — хотя бы в части оснований, на которых строится теория. Предшествующие политические теории, поскольку они были так или иначе связаны с теологией, полагали, что люди изначально существуют в единстве, подобно общему телу верующих, хотя это тело невидимо (вспомним *concordia*. естествен-

Государственный суверенитет — принцип, согласно которому за государственной властью данной страны, а не какими-либо другими властями, признается верховенство на своей территории, а также независимость внутренней и внешней политики.

ное согласие у Августина). Они образуют народ, который является носителем верховной власти и наделяет ею короля. Но для Гоббса никакого изначального единства и согласия нет, а есть атомарное состояние, наглядное преследование каждым своего эгоистичного интереса, неизбежное столкновение интересов, готовность применить обман и насилие против ближнего. Люди рождаются равными и свободными, но их естественные влечения и неравенство в физической силе толкают их на соперничество друг с другом, а поскольку ограничений на средства соперничества нет, то оно в любой момент готово перерасти в состояние войны. Это стало известно как концепция естественного состояния — война всех против всех. Поскольку каждый готов пойти на все ради своих интересов, то ожидает того же и от других. В итоге царит общее недоверие и люди мыслят короткими горизонтами — что будет завтра, неизвестно.

Как это можно изменить? На тот исторический момент и божественное обоснование монархии, и ее обоснование через единство народного тела, головой которого служит король, теряют убедительность, и Гоббс предлагает новые рациональные основания порядка. Он много раз повторяет мысль о том, что заставить человека сдерживать себя, выполнять обязательства, ограничить свой интерес в пользу общего блага может только сила. Но это не меч удельного князя, лорда или короля, а нечто совсем другое. Для того чтобы эта новая власть появилась, каждый человек должен пожертвовать частью своих естественных прав в пользу суверена, а именно правом на применение насилия, и делегировать это право единому лицу, которое бы взяло на себя функцию защиты всех и каждого. Такое делегирование и есть контракт, благодаря которому рождается государство. Причем это совсем не такой контракт, как между мифическим народом как носителем власти и монархом, который в ответ обязуется этот народ оберегать.

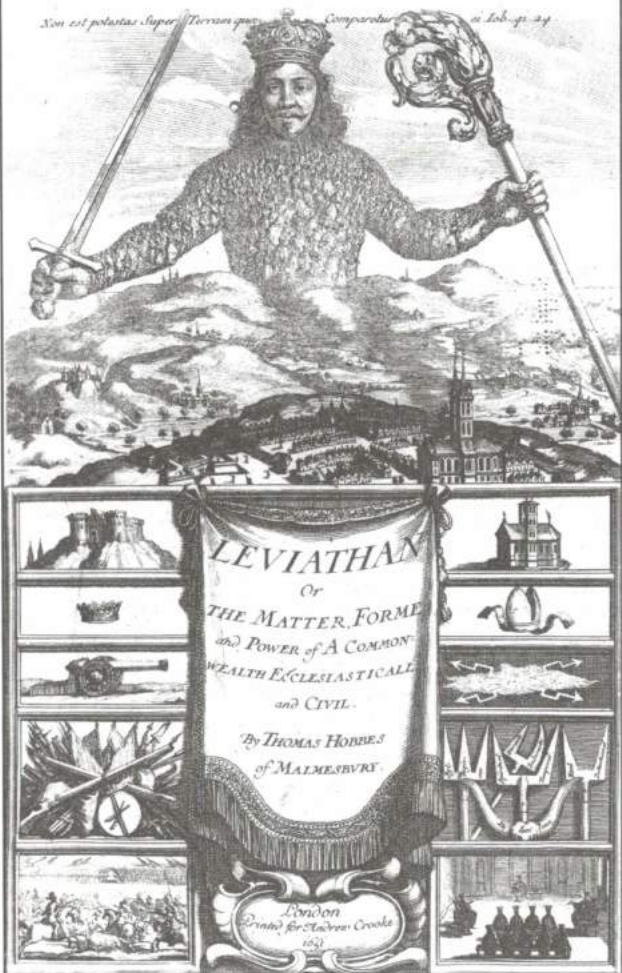
В логике естественного состояния, где нет народа, а есть лишь свободные рациональные индивиды, стремящиеся к выгоде, контракт возможен только каждого с каждым. «Это реальное единство, — пишет Гоббс, — воплощенное в одном лице

В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна*.

Томас Гоббс

* Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 87.

Non est potestas Super Terram quae Comparatur ad Job. 41

посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия*. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством...*¹.

В результате контракта и сложения воли каждого с каждым образуется единая воля такого могущества, что она превосходит механическую сумму индивидов и придает им вместе новое качество. Гоббс говорит о том, что это реальное единство, а не просто чувство согласия, и благодаря ему люди создают огромного искусственного человека, тоже наделенного разумом и всеми необходимыми органами, чтобы защищать их (для наглядности его изображали на титульном листе книги и спаян он из отдельных людей).

Соответственно, это новое искусственное образование автономно как от всех индивидов, которые наделили его высшим авторитетом, так и от правителя. У государства есть карающий меч, с помощью которого оно принуждает всех к соблюдению своих обязательств и следованию закону. Но основанием власти государства все же является не его многократно превосходящая сила, а базовый контракт каждого с каждым, формирующий новое тело. Этот контракт, повторим,

Гоббс Т. Левиафан.
С. 119.

обоснован рационально и соответствует публичному интересу, поскольку, гарантируя безопасность жизни и имущества, и государство изменяет ожидания людей по отношению друг к другу. Так как преследование собственных интересов ограничено в средствах и подчинено некоторым общим установленным правилам, то можно доверять ближнему. Так становится возможной мирная жизнь, основанная на кооперации, и вложение сил в коллективные гражданские проекты, а не в борьбу за выживание. Получается, что формирование этого нового единства меняет всю общественную ткань, из атомарного хаоса государство создает общество.

Для современников важным моментом политической доктрины Гоббса было то, что единым соглашением учреждается и форма правления, причем сам автор «Левиафана» недвусмысленно отдает предпочтение монархии. Из установления государства происходят и все права тех, на кого переносится верховная власть, пишет Гоббс. Специфика контракта, лежащего в основе государства, такова, что каждый обязуется считать волю правителя (будь то одно лицо или группа людей) своей волей и поэтому никаких «кондиций» или изменения формы правления, а тем более отмены контракта, уже быть не может.

Рациональное обоснование монархии, характерное для эпохи просвещенного абсолютизма, было воспринято в континентальной Европе XVIII века, потом подхвачено и усилено в Российской империи. Но мысль Гоббса содержала и другие новации, опередившие свое время.

Во-первых, в основание теории он ставит свободных, рациональных людей, которые вправе преследовать свой интерес. Это очень современная посылка, которая роднит Гоббса с либерализмом.

Во-вторых, Гоббс положил начало политической теории, отождествляющей государство с невидимой сущностью, отличной от правителя, правительства или подданных. Из этого выросла правовая доктрина действий государства и суверенных прав. Как обобщил это видение историк Мартин ван Кревельд, автор на сей день лучшего исследования становления

Те, кто уже установил государство и таким образом обязался соглашением признавать как свои действия и суждения одного, неправомерны без его разрешения заключать между собой новое соглашение, в силу которого они были бы обязаны подчиняться в чем-либо другому человеку. Поэтому подданные монарха не могут без его разрешения свергнуть монархию и вернуться к хаосу разобщенной толпы или перевести свои полномочия с того, кто является их представителем, на другого человека...*

Томас Гоббс

* Гоббс Т. Левиафан. С. 120.

государства, — будучи корпорацией, государство обладает своей независимой личностью или юридическим лицом. «Последнее признается законом и может вести себя, *как если бы* оно было человеком — заключать договоры, владеть собственностью, защищать себя и т. п.»¹.

3 Либеральная теория государства

Последующая либеральная мысль во многом отталкивается от Гоббса и пересматривает его идеи. Джон Локк (1632–1704) опубликовал свои политические трактаты, включая знаменитые «Два трактата о правлении» (1690), после окончания Английской («Славной») революции² и установления парламентской монархии. Его волновал уже другой вопрос: где гарантии того, что Левиафан, имеющий такую силу и не позволяющий людям чинить зло друг другу, сам не станет источником злоупотреблений? Но для того, чтобы поставить вопрос об ограничении власти государства, Локку пришлось отказаться от идеи естественного состояния как войны всех против всех и более благосклонно посмотреть на природу человека.

Для Локка естественным состоянием является то, что мы понимаем как гражданское общество: согласно естественному праву, каждый имеет право на жизнь, свободу и собственность. Индивиды изначально свободны и наделены разумом, а это делает их способными к формированию первичных общностей и созданию законов. Тем не менее во имя безопасности и сохранения порядка они вынуждены создавать государство. В отличие от Гоббса, у которого контракт носит конституирующий и необратимый характер, вся либеральная мысль будет настаивать на том, что источник власти всегда находится у гражданского общества (читай — свободных частных собственников) и если правитель или правительство начинают злоупотреблять властью, то гражданское общество имеет законное право забрать власть и сменить правительство. Третьим радикальным

отличием либеральной мысли стала идея разделения властей на законодательную и исполнительную, дабы предотвратить злоупотребления последней.

В основании либеральной теории государства лежит и определенное мировоззрение философского свойства: эмпиризм и утилитаризм **17**. И Локк, и последующие английские эмпирики-утилитаристы Иеремия Бентам (1748–1832), Джеймс Милль (1773–1836) и его сын Джон Стюарт Милль (1806–1873) исходили из того, что основанием суждения и построения каких-либо теорий может быть только опыт и наблюдения в сочетании со строгой логикой рассуждения. Это возвеличивание опыта (в праве, соответственно, прецедента) и предубеждение к абстракциям (которые нельзя наблюдать) — то, что традиционно составляет английский стиль мышления, — отразились и в том, что либеральные теоретики отказывались воспринимать государство как фиктивную сущность или искусственного человека. Никакой метафизики! В качестве первичной реальности выступает свободный индивид, наделенный правами (под которым понимался мужчина, имевший частную собственность, — в демократичности английских либералов не упрекнешь), затем индивиды формировали гражданское общество и создавали инструмент для его защиты и регулирования конфликтов — государство.

Либеральная концепция государства содержит два принципиальных требования.

1 Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государств. М.: ЭРИСЭН, 2006. С. 510.

2 **Главная революция** (*Glorious Revolution*) — смена власти и государственного строя, произошедшая в Англии в 1688 году в результате свержения католически ориентированного короля Якова II Стюарта тандемом протестантской ориентации, состоявшим из его дочери Марии Стюарт и голландского правителя Вильгельма Оранского. Поскольку тандем пользовался поддержкой широкого политического альянса землевладельцев и буржуазии, переворот прошел без насилия и напоминал договор. В результате в Англии была принята конституция, ограничившая власть короны парламентом и независимым судом.

Во-первых, государство есть нейтральный арбитр, своего рода площадка для решения возникающих в гражданском обществе споров и конфликтов. Они решаются независимыми судами сообразно правилам, установленным этим обществом через представительные законодательные институты. Это предполагает, что государство не должно обладать собственной волей или интересом, а должно служить интересам гражданской (прежде всего экономической) жизни, будучи ограниченным посредством законодательства и периодических выборов.

Во-вторых, либеральная теория оперирует нормативной идеей «минимального государства». Оно должно быть способно выполнять минимальные функции по охране порядка, прав собственности и обеспечивать безопасность границ, а остальное сделает свободная конкуренция. Государство должно быть дешевым.

Несмотря на сильный нормативный элемент, выразившийся в поиске такой формулы государства, которая бы приносила максимум пользы гражданскому обществу, английские либералы тем не менее способствовали важному концептуальному сдвигу. Они стали отождествлять государство с правительством, т. е. с вполне конкретным государственным аппаратом, который управляется определенным образом и цену которого можно высчитать. То есть это не совокупность людей под единой властью и законами и не фиктивное средоточие суверенитета, а особым образом организованная публичная сфера, отделенная от гражданского общества и защищающая последнее.

Французская политическая философия продолжала мыслить государство в терминах контракта, но была менее индивидуалистична. Жан-Жак Руссо (1712–1778) определял контуры социального контракта иным способом, чем английские либералы, что помещает его скорее в республиканскую традицию. Оставляя в стороне вопрос о природе самого государства, Руссо задавался вопросом о том, как править самим, не угнетая никого и не будучи угнетенными внешней властью. Его социальный контракт — это некий метафизический акт

образования общей воли всех граждан, которая является носителем суверенитета и никому его не делегирует, а наоборот, диктует эту волю государству. Это может происходить и через законы, но лучше всего — посредством прямой демократии, т. е. референдумов или других актов, через которые общая воля может быть явлена власти (воля и власть — принципиальное различие у Руссо). При этом французская мысль еще более радикально ставила вопрос о разделении властей и границе между гражданским обществом, которое способно на самоуправление (свободные ассоциации граждан), и государством как исполнительным аппаратом на тот момент еще королевской власти.

4 Классовая теория государства

Карл Маркс (1818–1883) был современником промышленной революции в Европе, свидетелем мощных общественных движений 1848–49 годов и последующего разрушения старых режимов, рождения национальных государств. Будучи независимым публицистом и ученым, не связанным ни с государственной службой, ни с университетской кафедрой, он мог себе позволить гораздо больший

градус подозрения и критики, чем его предшественники. Ему принципиально не интересен нормативный подход, т. е. каким должно быть государство. Маркс стремится обличить то, чем оно является на самом деле.

В основание социальной теории Маркс ставит конкретного исторического человека — помещенного в систему разделения труда и социальных отношений, прежде всего отношений собственности. Исторически, физическое принуждение рождает собственность, а разделение труда и распределение его результатов в соответствии с правами собственности формируют неравенство и первичную социальную организацию. В ней выделяются собственники средств производства (что считать таковыми, зависит от исторического этапа), которые присваивают прибавочный продукт, и трудящиеся, которые не имеют ничего, кроме своей рабочей силы. При этом в группе собственников могут выделяться различные подгруппы в соответствии с размером и объектом собственности: владельцы земли, владельцы финансов, ремесленных или промышленных предприятий и т. п. Исходя из места в системе разделения труда, объема контролируемой собственности и, соответственно, источника и уровня дохода, формируются устойчивые группы, которые Маркс называет классами.

Классовая структура — это основа любого общества, но она генерирует конфликты. Это не война всех против всех — любой марксист бы сказал, что Гоббс просто не разобрался в сложном соотношении классовых сил времен английской революции, — а борьба между классом, который усиливается и претендует на господство, и классом, сходящим со сцены истории. Главная мысль марксизма о государстве состоит в том, что оно формируется, как только появляются классы, — как военно-политическая надстройка для поддержания положения господствующего класса и воспроизводства классовой структуры. Это положение о классовой природе государства лучше всего выразил соратник Маркса Фридрих Энгельс (1820–1895), уже после смерти классика, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса^{*}.

Фридрих Энгельс

^{*} Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 171.

Наблюдая за установлением во Франции в 1851 году диктатуры Луи Наполеона, Маркс создает блестящий образец анализа классовой борьбы и ее отражения в политике, известный как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (вышла в 1852 году). Там же он делает несколько принципиальных наблюдений о государстве. После каждой серии революционных потрясений «многосложная, искусственная государственная машина» только укреплялась. Ее влияние выросло настолько, что «партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе». При Луи Бонапарте бюрократия достигла пика своего господства. Но это не значит, что она стала над классами. Знаменитый диагноз бонапартистской диктатуры состоял в том, что она представляла французское консервативное крестьянство. В силу своего социального положения и характера труда крестьяне не способны образовывать ассоциации, партии или какие-либо другие политические организации, которые бы требовали парламентского представительства. Поэтому лучше всего их представляет не парламент (разгон которого они всегда поддержат), а диктатура. «Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество»¹.

Итак, у Маркса есть сквозная мысль о том, что в любой момент государство неизбежно выражает интересы какого-либо класса, реализуя посредством законов, исполнительного аппарата и идеологии его претензии на господство. С другой стороны, государство в лице его исполнительной бюрократии обладает автономной исторической динамикой. В условиях обострения конфликтов оно может приобретать самостоятельность по отношению к классам, для того чтобы иметь возможность регулировать или смягчать такие конфликты. Этот тезис

был развит западными неомарксистами в XX веке на фоне опыта межвоенного кризиса, сопровождавшегося ростом государственного вмешательства в экономику. Чтобы выполнять функцию долгосрочной стабилизации капиталистического производства, государству пришлось добиться относительной автономии от всех сегментов буржуазии, ограничить рынок и обеспечивать интеграцию классов, а не подавление одного класса другим¹.

А более ортодоксальная идея Маркса и Энгельса о государстве как аппарате господства одного класса и подавления остальных получила преимущественное развитие в рамках учения В. И. Ленина об активной роли государства диктатуры пролетариата в разрушении старого строя и создании нового коммунистического порядка. В его работе «Государство и революция» (1917) речь идет о насильственном захвате государства отрядами пролетариата, подавлении и уничтожении классов, затем о полном государственном контроле над производительными силами и введении единого плана, как если бы вся экономика была одной фабрикой. Уничтожив классы и тем самым причину своего собственного существования, государство должно отмирать, поскольку необходимость в нем исчезнет. На деле построенный в СССР последователями Ленина государственный социализм так и не обеспечил такого уровня благосостояния и сознательности граждан, когда аппарат насилия можно было бы упразднить.

i Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. С. 208.

ii Одним из основных теоретиков неомарксизма был французский философ греческого происхождения Никос Пуланзас. См. Пуланзас Н. Политическая власть и социальные классы капиталистического общества // Политическая мысль второй половины XX века: хрестоматия для студентов вузов. Пермь: Звезда, 1999. С. 332–336.

5 Теория социального государства

Если бы Маркс был университетским профессором и советником правительства, а не политическим иммигрантом, то он, вероятно, пришел бы не к апологии революции, а к идее социального реформаторства, как Лоренс фон Штейн (1815–1890)¹. Будучи профессором в Киле, а потом в Вене, Штейн наблюдает социально-политические движения во Франции с тем же вниманием, как это делает Маркс, описывает положение пролетариата и борьбу между имущими и неимущими классами, эгоистический интерес накопления капитала и последующее обнищание масс — словом, использует тот же арсенал понятий и логику социального анализа, что и Маркс (оба частично заимствуют ее у французского социалиста-утописта Сен-Симона). В 1850 году выходит его основная работа «История социального движения во Франции с 1789 года» (на два года раньше, чем «Восемнадцатое брюмера» Маркса). При этом Штейн проходит по разряду консервативных мыслителей, идеологов активной роли государства в сглаживании классовых конфликтов, является родоначальником теории социального государства и прусского социализма Бисмарка. Они друг друга читали, но не ясно, в какой степени заимствовали друг у друга идеи. Так или иначе, Маркса подняли на щит европейские социалисты, потом русские левые социал-демократы, а Штейн стал родоначальником правой европейской социал-демократии. Под напором марксизма в XX веке разрушилось не одно государство; доктрина социального государства, напротив, помогла спасти многие правительства от натиска революционных сил.

Спасительный рецепт сохранения капитализма в Западной Европе был найден Штейном в социальном государстве. Истоки теории социального государства следует искать не столько в гоббсовской картине стоящего над всеми искусственного человека, созданного договором, сколько в государстве как нравственной идее, что сформулировал за полстолетия до фон Штейна немецкий философ Г. В. Ф. Гегель

Гегель помещает индивидов с их частными интересами, рассудком, нуждами и индивидуальной волей в сферу гражданского общества. Это многообразие индивидов не в состоянии создать государство посредством контракта, хотя вполне может установить некоторые порядки общежития, дабы избежать конфликтов: полицию и полицейское управление (а это и порядок на улице, и санитария, и хозяйственный оборот) Гегель относит к сфере гражданского общества. Ведь государство для Гегеля — это принципиально другая субстанция, это наглядное воплощение идеи, «мыслимое понятие», которое никак не может зависеть от частных мнений или интересов. Государство воплощает идею высшего разумного существования всех людей, всеобщего интереса, и эта идея объективна, поэтому обязана реализоваться. Люди не могут не объединиться в государство, как только они сами увидят высшую разумность государственного порядка, а если не увидят, им поможет бюрократия. В «Философии права» есть множество рассуждений, которые одновременно и мистифицируют и возвеличивают государство, полагая его до и превыше индивида.

Но для Гегеля был важен и тезис о нравственной (этической) сущности государства, которая заключается в его обязанности объединять разнообразие индивидов, сохраняя и оберегая их свободу посредством права, — он настаивал на правовом характере действительного (т. е. «настоящего») государства. И этот этический

1 См. также книгу «Нация» серии «Азбука понятий». С. 35.

 Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) — культовый немецкий философ, профессор Гейдельбергского, потом Берлинского университетов, автор диалектического метода мышления, совместивший объективный идеализм и историю. В работе «Философия права» (1821) Гегель представил теорию государства, которая повлияла на европейскую политическую философию и политику государственного строительства. Его часто обвиняют в апологетике прусской монархии. Хотя он и писал об идее государства, а не о каком-то конкретном политическом проекте и подчеркивал правовой характер государственной власти, это не помешало впоследствии использовать его идеи для отрицания индивидуальных прав и свобод во имя «всеобщего» интереса.

Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем *сознательно*, тогда как в природе он получает действительность только как иное себя, как дремлющий дух. Лишь как наличный в сознании, знающий самого себя в качестве существующего предмета, он есть государство. В свободе надо исходить не из единичности, из единичного самосознания, а лишь из его сущности, ибо эта сущность независимо от того, знает ли человек об этом или нет, реализуется в качестве самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды не более чем моменты: государство — это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю*.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

* Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 283–284.

аспект позволил фон Штейну вернуть в теорию индивидов и подвести под государство некоторый осязаемый фундамент.

Поскольку государство, говорит Штейн, есть не просто общая воля, но все же и сумма всех индивидов, то его состояние зависит от состояния каждого. Следовательно, рассуждает он, если люди деградируют, деградирует и государство. Поэтому «...высшее развитие государства может быть достигнуто лишь тогда, когда государство, с помощью своей высшей власти, будет способствовать развитию, т. е. прогрессу, богатству, могуществу и интеллигенции всех отдельных личностей: действуя на пользу всех, оно действует на свою собственную пользу»¹.

Но разве сами граждане не в состоянии о себе позаботиться? Динамика капитализма убеждает Штейна в том, что общество может лишь порождать неравенство в собственности, формирование классов и лишать шансов на достойную человеческую жизнь большие массы людей, превращая их в обнищавших бродяг. Это будет приводить к активизации рабочего движения, попыткам захватить государство и отнять собственность силой. На такие угрозы — а они были очевидны для всех в середине XIX века — либеральная доктрина отвечала бы усилением репрессивной составляющей и принятием законов, позволяющих лучше обезопасить буржуазию от обнищавшей массы. Но для Штейна это ненадежный и несправедливый выход, и, чтобы обосновать другой способ решения

Фон Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 года. СПб.: тип. А. М. Котомнца, 1872. Т. 1. С. XXVIII.

проблемы, он развивает *этическую* концепцию государства. С ее помощью он обосновывает *Sozialstaat*, «социальное государство», известное также как государство благосостояния, *welfare state*. Впоследствии эта модель в той или иной мере была построена во всей континентальной Европе.

Главная идея, которую реализует государство, — этическая. Это значит, что у государства есть обязанности. Какие и по отношению к кому? В том, что государство этически обязано индивиду, и состоит радикальный теоретический сдвиг, который делает Штейн. Обязанности государства проистекают не из контракта с гражданским обществом в обмен на некоторый объем полномочий, а из того факта, что оно является слиянием воли всех граждан, их потребностей, и поэтому обязано следовать лишь этой воле, а не частному интересу класса имущих. Осталось понять, в чем же интерес всех и каждого. Немецкая философия в лице Канта и Гегеля к тому моменту уже дала ответ на этот вопрос. Настоящая потребность любого человека состоит в признании его человеческого достоинства и в самореализации. Обеспечить каждому это благо и есть высшая миссия государства. Но в экономическом обществе большинство людей не имеют этой возможности, потому что имущие классы лишили их собственности и низвели до примитивного состояния. Поэтому государству следует вернуться к своей сущности, т. е. воплощению всеобщего интереса — оно обязано дать возможность стать человеком абсолютно каждому. Штейн пишет: «...правильный ход государственной жизни становится невыносимым, когда тысячи граждан лишены возможности вполне развернуть свои индивидуальные способности, развиваться согласно своему истинному назначению».

Концепция социального государства кажется чисто логическим конструктом, недалеко ушедшим от Гегеля, но социальные движения в Европе подкрепляли этическое обоснование Штейна аргументами от реальной политики. Поэтому его идеи — дать неимущим образование и медицинскую помощь за счет государства, страховать на случай потери работы, помогать с улучшением жилищных условий и т. п. — постепенно были

реализованы сначала прусской монархией (Бисмарк ввел систему социального страхования в 1881 году), а потом в разной мере всеми европейскими правительствами. Распределительную функцию государства трудно обосновать экономически, зато сработал этический аргумент.

После травмы Первой мировой войны европейские общества с готовностью воспринимали идеи восстановления не только национального хозяйства, но и национального достоинства. В этом контексте родилась идея мобилизации нации посредством государства, которое должно выразить мысли и волю всех ее представителей. Если патерналистское социальное государство допускало наличие гражданского общества и частной сферы, то новая идея тотального государства предполагала поглощение всех интересов человека без остатка.

Автором идеи тотального государства стал итальянский философ-гегельянец Джованни Джентиле (1875–1944), назначенный министром просвещения в фашистском правительстве Бенито Муссолини в 1923 году. Государство тотально или тоталитарно в том смысле, что объединяет сознание всех граждан, формирует общую волю и преодолевает все классовые противоречия. «Государство не нависает над головами граждан, оно составляет целое с личностью гражданина», — писал Джентиле в своем эссе «Философские основы фашизма». В теории тотальное фашистское государство должно рождаться «сни-

зу», в сознании его граждан. Но в политической практике его формирование обеспечивается культом вождя, массовой пропагандой, созданием партии и системы корпораций, чтобы все думали и действовали как государство, а вне последнего никаких мыслей и действий не допускалось. На тот момент будущее фашизма представлялось светлым, а идея тотального государства казалась прогрессом по сравнению с либерализмом и была альтернативой коммунизму. Однако последующие события в Италии и Германии показали склонность тотального государства к террору против граждан и военным преступлениям, что привело к его полному краху и возврату к умеренной модели социального государства.

6 Реалистическая теория государства

Описанные выше теории содержат сильный нормативный элемент. Их авторы так или иначе обосновывают государство, пишут о том, каким оно должно быть. Немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) пошел другим путем. Термины, обозначающие исторические формы политических образований, для него вторичны, а первичны аналитические понятия, применимые ко всем таким формам. Он выделил генетическое ядро любого автономного политического образования (в том числе того, что известно как «государство») и назвал это «политической общностью» или «политическим союзом». Вебер приводит, как он выражается, «концептуальный минимум», который делает общность политической, — «насилованное утверждение организованного господства над территорией и населяющими ее индивидами»¹. Иными словами, политическая общность или политический союз появляется тогда, когда есть территория, готовность к насилию и определенный тип коллективного действия, а именно управление другими людьми и поддержание определенного порядка, причем это действие

отлично от хозяйственного действия вроде распоряжения товарами, землей или финансами.

Политические общности или союзы выступают в истории под различными именами, образуя княжества, полисы, республики, халифаты, герцогства, эмираты, империи и т. п. Государство — это одно из имен того же самого, получившее статус родового понятия, недавняя, но наиболее распространенная сегодня форма политического союза, возникшая в результате трансформации предшествовавших форм. Использование социологического термина «политический союз», не совпадающего ни с одной из эмпирических форм, дало Веберу ресурс дистанцирования, необходимый для создания реалистической теории государства, которая свободна от идеологии и нормативных коннотаций.

Реалистическим взглядом на государство Вебер во многом обязан своему современнику, немецкому социологу Францу Оппенгеймеру, который первым изложил социологическую теорию происхождения государства в книге «Государство», вышедшей в 1908 году (сам Оппенгеймер, впрочем, приписывает эту идею чешскому юристу Людвигу Гумпловичу). Что есть государство как социологическое понятие? — вопрошает Оппенгеймер. И дает такой ответ: «[Государство] целиком и полностью на стадии генезиса и, в сущности, почти целиком на первых стадиях своего существования есть социальный институт, силой насаждаемый группой победителей на

1 Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. 2. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 273.

побежденную группу с единственной целью поддержания господства победителей над поверженными и защиты от внутреннего восстания и нападений извне. Телеологически, это господство не имело никакой другой цели кроме экономической эксплуатации подчиненных со стороны победителей. Нет ни одного известного в истории примитивного государства, которое бы появилось каким-то другим способом»¹. Оппенгеймер разворачивает свои аргументы, изучая исторические примеры. Вебер продолжает эту линию, создавая теорию господства.

Что делает общность *политической*? И что *делает* политическая общность? Для социологии Вебера понятие социального действия является ключевым, и он определяет через него также специфику политического союза. Способ действия, присущий политическому союзу — это использование физической силы. Однако это не любое насилие. Просто банда грабителей не составит политического союза, ибо применение силы ради наживы не содержит политического элемента. Точно так же и хозяйственная общность, которая берется за оружие от случая к случаю и по необходимости, не образует искомый тип общности. Политическое свойство возникает тогда, когда применение насилия является постоянным, «профессиональным» занятием одного и того же сообщества и подчинено цели установления порядка, т. е. регулирования жизни на определенной территории. Оно отделено от хозяйствования в том числе моральным запретом на физический труд (а часто и на торговлю) и подчинено управленческим задачам.

Изначально политический союз формируется как свободная организующаяся общность воинов, пишет Вебер, «стоящая вне порядков повседневности и над ними» — иными словами, претендующая на особое происхождение и статус. Он конституируется как братство свободных мужчин (в силу обладания оружием и способности противостоять принуждению) и противопоставлен тем, по отношению к кому осуществляется принудительная эксплуатация.

Вебер выделяет несколько ключевых трансформаций политического союза. Сначала на основе такого союза формируется

аппарат принуждения, способный обеспечить подчинение в самых широких масштабах. Референтом для политических общностей выступают другие такие же общества, а отношения между ними — как правило, это военная вражда или тактические союзы — маркируются посредством территории и ее границ. Удержание территориального господства предполагает, что политический союз, который на него претендует, успешно подавляет частное насилие, поскольку оно противоречит его военным интересам, т.е. запрещает насильственное решение конфликтов и становится гарантом гражданского мира. Это равнозначно появлению некоторых публичных функций, которые берет на себя аппарат принуждения. Далее, как пишет Вебер, «если в раннее время союз реагировал на поведение, прямо считающееся преступным, только под давлением религиозных или военных интересов, то теперь преследование более широкого круга преступлений против личности и имущества было поставлено под гарантию политического аппарата принуждения»¹. То есть в определенный исторический момент политический союз берет на себя обязанность по защите широкого круга гражданских прав. Вебер не оставил нам подробного анализа этих процессов, но за него это сделали несколько блестящих социологов: Норберт Элиас, Теда Скочпол, Чарлз Тилли, продолжившие эту традицию мысли до конца XX века.

Когда и как уместно говорить о государстве? По мысли Вебера, понятие

i *Oppenheimer F.*
The State: its history and development viewed sociologically / trans. by J. M. Gitterman. BiblioLife, 1922. P. 15.

ii *Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. С. 279.*

государства появляется лишь на определенном этапе эволюции политического союза, причем как способ легитимации двух ключевых организационных достижений:

- 1) монополизации насилия в пределах определенной территории;
- 2) рационализации правил применения насилия (появления «правопорядка»).

Важно понимать, что «государствами» стали называть сумевшие выжить в течение длительного времени политические общности, которые потом распространили этот термин на своих предшественников. То, что стало организационной инфраструктурой их господства (управленческие и фискальные аппараты, правовые режимы и идеологии), до определенного момента было лишь изобретаемыми по случаю средствами выживания, с которыми политические сообщества экспериментировали на свой страх и риск.

В таком контексте становится понятным знаменитое определение государства, которое Вебер приводит в лекции «Политика как призвание и профессия» (1918). Оно предваряется рассуждением о том, что сегодня государства берут на себя разнообразнейшие экономические и социальные задачи, могут выступать в разных политических формах, но константой является не цель, а специфическое средство, которое они используют, — насилие (или принуждение), а также организационная форма, поддерживаемая этим средством. Соответственно, «государство есть

то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*». Здесь важно каждое слово, и каждое слово впоследствии породило много отдельных исследований.

Во-первых, государство — это не воображаемое или фиктивное тело, а вполне конкретное сообщество «государственников», политическое сообщество или союз, идентифицирующий себя через территориальность и в своей основе делающий всегда одно и то же. Это один из компонентов веберовского реализма.

Во-вторых, то, что делает этот союз, это строительство и воспроизводство структур для обеспечения длительного господства, прежде всего — поддержание монополии насилия средствами насилия.

В-третьих, это насилие легитимно, то есть преподносится как основанное на особом праве и таковым воспринимается большинством населения, что, в свою очередь, обеспечивает успешность и устойчивость господства.

Государство и есть такое состояние социума, когда монополия насилия поддерживается успешно и устойчиво. Ибо если государственным не удастся создать адекватную организационную инфраструктуру и обеспечить легитимность, то жесткая военно-экономическая конкуренция политических союзов сметет их на свалку истории, что произошло со многими десятками известных нам политических образований.

Если следовать логике Вебера и при этом увеличить воображаемую историческую дистанцию, то центральным явлением истории будет глобальный тысячелетний процесс формирования и разрушения государств, включающий траектории множества политических союзов, в том числе тех, что исчезли, так и не создав долговременные структуры, необходимые для признания их «государствами». Непрерывающееся территориальное дробление таких союзов может быть сколь угодно мелким или крупным. В перспективе реалистической теории государства идеи Макиавелли, Гоббса, Пуфендорфа, Локка, Штейна и других предстают скорее частью самого процесса формирования государств или его отражением, нежели его научным анализом. Это

интеллектуальные всплески, попытки найти новый язык, создать картину мира, происходившие в особенно драматичные моменты формирования государств — когда распадались и складывались заново территориальные монополии силы, а политические сообщества, стремившиеся построить или захватить аппараты господства, изобретали для этих целей новые организационные и символические инструменты.

Соответственно, мыслить государство независимо от тех категорий и схем, которые оно само предлагает, — значит занять открытую Вебером (не без влияния Маркса) социологическую позицию. Это позиция острого описания процесса организационной эволюции политических общностей и практики поддержания социальной конфигурации, которая сегодня привычно называется «государством».

1 Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645.

ii. формирование государства: критическая генеалогия

Невозможно понять государство, не рассмотрев его происхождение, но ставить вопрос о происхождении можно по-разному. Привычный способ — предположить некоторую сущность, разворачиваемую во времени, наподобие идеи порядка или общего блага. Идея контракта — тоже весьма удобный образ первоисточков государственности. Можно ставить вопрос и об изначальном сознательном проекте, постепенно реализованном — кем? — по-видимому, «государственниками». Для чего? Наверное, для общего блага...

Имеющийся массив исторических исследований, касающийся как отдельных государств, так и государства как метainститута, достаточен, чтобы поставить под сомнение линейную историю, высокое происхождение и телеологию — конечный результат как изначальный замысел, вообще какой-либо замысел. При том что набор действий мог оставаться тем же, отдельные строительные блоки этой конструкции создавались в разное время, для разных целей, подгонялись разными хозяевами под их интересы, а с этим менялись и функции. Формирование государства можно сравнить с древним сооружением, которое было воздвигнуто с малопонятными целями, многократно разрушалось, перестраивалось, приспособливаясь к новым функциям, к нему пристраивались флигели, новые этажи и корпуса. Периодически менялось название, а от первоначального назначения мало что осталось.

Как с нами случилось государство? Когда оно случилось? Примерно так нужно ставить вопрос, чтобы отдать государству причитающуюся ему интеллектуальную дань. Для ответа

потребуется краткая критическая генеалогия с ее вниманием к изначальному контексту создания институтов, разрывам и сдвигам в их эволюции, к скрытым мотивам и маскам, захватам и перетолковываниям со стороны превосходящей силы, к непреднамеренным последствиям и неожиданной пользе. Помимо критической дистанции, такая генеалогия дает способ видения, с помощью которого некоторые идеи исторической социологии обретают новые краски.

1 Бандиты и государственники

Сугубо гражданский облик главы государства — это новейшее явление. На протяжении всей истории лидер политического сообщества, за исключением большинства персон женского пола, всегда выступал в образе военного предводителя, при оружии, доспехах или в форме. Во все времена прочность гражданского правления наилучшим образом гарантировалась военными успехами.

Генеалогия государства восходит к элементарной форме политического союза — военному вождеству. Сценарий его эволюции может проигрываться с разной скоростью в самых разных местах, временах и масштабах. Вождество формируется, когда под предводительством сильного лидера группа хорошо организованных

профессиональных воинов подчиняет, если сумеет подчинить, более мирные и разрозненные племена, но не для простого грабежа или убийства, а для последующей принудительной эксплуатации — настолько долго, насколько сможет продержаться в условиях военной конкуренции.

Что определяло успешное строительство вожества? Причины надо искать в инновациях, к которым прибегали лидеры. Они меняли способ действия так, что теперь мы могли бы сказать: их действие становилось «политическим». До нас дошло мало деталей из далекого прошлого, но в элементарной форме этот переход можно увидеть и в относительно недавних естественных экспериментах.

Мощная по южноафриканским масштабам империя зулусов была создана всего за два десятилетия после 1808 года в области обитания племен банту. Они постоянно воевали между собой, стараясь истребить мужчин и захватить имущество конкурентов. В этой непростой обстановке Дингисвайо, вождь племени мтетва, придумал две организационные инновации.

Во-первых, он изменил принцип формирования боевых отрядов. Вместо того чтобы использовать боевые единицы из мужчин одной родовой общины, он создал подразделения на основе возрастных когорт. Тем самым он ослабил семейно-территориальные связи внутри армии и усилил централизованное командование.

Во-вторых, вместо того чтобы убивать поверженных противников, как это было принято, Дингисвайо предлагал им перейти к нему на военную службу, оставляя местным вождям шанс править своими же землями, но от его имени. В результате мтетва расширили территорию, подчинив в том числе и небольшое племя зулу.

Из зулусов к воинству Дингисвайо примкнул Чака, побочный сын вождя, который после смерти Дингисвайо в 1818 году захватил власть и переименовал вожество мтетва в Королевство зулусов (Венэ ва Зулу). Он неукоснительно следовал двум описанным выше организационным принципам, но добавил к ним еще и военные изобретения — тяжелое копье-пику с длинным

режущим наконечником *ассегай* и короткое ударное копье с широким наконечником *иклава*¹. При этом Чака стандартизировал вооружение каждого воина, изобрел новую тактику боя, методы обучения и создал регулярную армию, в которой мужчины должны были отслужить определенный срок, прежде чем они получали надел земли и разрешение жениться. В результате, за десять лет вождю удалось подчинить 300 других племен и создать некоторое подобие системы должностей для управления «империей» зулусов (примерно равной по площади Ивановской области). Чака также подчинил местных колдунов, взял на себя судебные функции и установил культ вождя как воплощения единого тела народа. Зулусское вождество дважды успешно решало проблему своего сохранения после смерти вождя и передачи власти преемнику. Оно могло бы стать крупным африканским государством. Однако к концу XIX века Венэ ва Зулу было разгромлено более сильными противниками, для которых стало представлять военную угрозу, — сначала бурами, потом англичанами.

Похожие сценарии, как показывает исследование антрополога Тимоти Ёрла, разворачивались на полуострове Ютландия (территория нынешней Дании) уже в бронзовом веке (1000 лет до н. э.), в перуанских Андах в 500–1500 годах и на Гавайских островах в 800–1824 годах². Наиболее успешными — а успех определяется не столько размером, сколько длительностью существования — оказывались

I Фонетически это название имитирует чавкающий звук, который получается, когда широкое копье резко выдергивают из тела поверженного противника.

II Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy of Prehistory. Stanford: Stanford University Press, 1977.

те вожества, которые сочетали военную организацию с контролем над экономическими ресурсами и системой религиозных культов, делавших вождя и социальную иерархию продолжением божественного порядка. Долгосрочное выживание политического сообщества зависело не столько от военных успехов, сколько от способности организовать местную экономику и торговлю, что позволяло вождям изымать ресурсы территории и распределять их между соратниками, оплачивать административные расходы. Содержание военной и жреческой элиты требовало прибавочного продукта, т. е. ресурсов, объем которых превосходил бы «прожиточный минимум» населения, а для этого необходимо было некоторое систематическое усилие по увеличению продуктивности. Отсутствие разорительных войн уже давало возможность хозяйственного развития и роста населения, но эти возможности возрастали там, где вводились технологии орошения, ремесла и удаленная торговля.

Общественные работы — строительство каналов, координация посевов и орошения — требовали централизованного администрирования и мобилизации населения. Согласно теории историка-неомарксиста Карла Виттфогеля, в засушливых областях, таких как древние Месопотамия, Египет, Китай, земли ацтеков, именно аппарат по управлению орошением стал прототипом государства. И чем масштабнее инфраструктурные проекты, тем сильнее выражен синдром «восточного деспотизма». Однако «гидравлическая» теория происхождения государства, как ее теперь называют, была впоследствии опровергнута антропологами. Они доказали, что сначала создавался аппарат принуждения, потом уже те или иные хозяйственные проекты. На Гавайских островах, ставших, в силу своей длительной изоляции от остального мира, антропологической лабораторией, захват власти военным путем и создание крупного вожества явно предшествовал строительству оросительных систем. Сами по себе 44 оросительных системы острова Кауай были простыми и не требовали централизованной власти для их поддержания. Это в состоянии была делать и родовая община, но она

и не работала бы сверх необходимого прожиточного минимума. Что обеспечивали военные вожди и *конохики*, специальная группа управляющих, так это объем выработки сверх необходимого минимума — он изымался и шел на поддержание политического сообщества.

Еще более успешными «государственниками» были военные сообщества, которые сочетали применение силы, изъятие ресурсов и удаленную торговлю. Такой стратегии следовали эллины, завоевавшие микенские поселения и построившие вдоль берегов Средиземного и Черного моря систему военно-торговых поселений, известных нам как древнегреческие полисы. В Средние века набеги викингов (они же норманны, варяги) в Европе привели к созданию десятков автономных политических единиц (королевства Ирландия, Англия, Сицилия, герцогство Нормандия и другие). В большинстве случаев их энергия уходила на грабеж, но в ходе некоторых военных экспедиций им удавалось закрепиться в местах, где были ресурсы и транспортные пути, удобные для «международной» торговли.

История не дает однозначного ответа на вопрос о том, призвали ли древние новгородцы Рюрика для управления территорией, или он с братьями пришел сам и подчинил землю с помощью военной силы. Хотя летописи содержат версию о приглашении князя, ничто в поведении древних варягов (викингов) не говорит о том, что им требовалось особое приглашение. В среде,

где главенствует насилие, понятие добровольности условно. В обстановке постоянных набегов или угроз местным правителям иногда было выгоднее отдать часть земель одному из варяжских бандитов, чтобы он защищал их от других себе подобных. Такой логике рзкета подчинился даже король франков Карл III, когда он в 911 году отдал предводителю скандинавов часть побережья Ла-Манша вокруг Руана, ставшую потом герцогством Нормандия.

Так или иначе, как сообщает «Повесть временных лет», в IX веке Рюрик с братьями и вооруженными соратниками доплыли по северным рекам в район озера Ильмень, откуда уже тогда в Европу прибывали небольшие торговые экспедиции. Взяв под контроль сбор дани с местных племен, князья переместились на юг и начали строить новое военное поселение для торговли с Византией. Правление Олега заключалось в подчинении славянских селений в районе среднего течения Днепра, сбора дани, организации и охране конвоев с воском, мехами и рабами в Константинополь. Днепровские пороги препятствовали свободному судоходству и заставляли переправлять ладьи волоком, а у порогов и бродов собирались банды печенегов, от которых надо было отбиваться. В обмен на свои товары военная элита русов получала оружие, серебро, шелк и другие предметы роскоши.

Торговые контракты поддерживались угрозами и принуждением. Военный поход Олега на Константинополь (предположительно в 907 году) был средством открыть для русов византийский рынок и установить режим беспошлинной торговли, символом которой был, согласно преданиям, прибитый к вратам Царьграда щит. Когда, нарушив договор, византийцы выгнали киевских купцов, Игорь воспользовался тем, что армия и флот Византии были заняты в восточной кампании, и организовал новое нападение (предположительно в 941 году). Военная акция позволила возобновить торговый договор на выгодных условиях в 944 году¹. Сын Игоря Святослав также вел исключительно военный образ жизни, стремясь упрочить контроль над торговыми путями в Византию, идущими по Дунаю.

Собирая дань со славянских и финно-угорских племен на пространстве от Волхова до Днепра, князь с соратниками конвоировали ее по рекам к рынкам сбыта. Открытие рынков и поддержание удаленной торговли создавало мотивы к дальнейшему росту принудительного изъятия ресурсов. Объем дани устанавливался произвольно и собирался лично князем и его дружиной. Игорю показалось, что в 945 году древляне недоплатили, он вернулся с требованием собрать еще, но в ответ был убит. Его вдова Ольга расправилась с восставшими, спалив Искоростень, однако потом была вынуждена упорядочить сбор дани, создав погосты и становища и определив нормы выплаты и распределения сборов по городам.

Строительство укреплений, охрана торговых путей, организация налогообложения, судопроизводство и другие действия, которые теперь ассоциируются с государственным строительством, были продиктованы необходимостью удержать территорию, увеличить доход и продолжать его получать. Эта активность больше похожа на управление охранным предприятием «Рюриковичи & Со.», чем на государственный проект. Охранное предприятие получало значительные доходы от торговли, но по сути торговало оно не воском, мехом или людьми, а организованной силой в различных проявлениях. Воск или меха представляли ценность только как товары, которые можно было обменять на серебро и другие товары, а центры такого обмена

П Франклин С., Шепард Д.
Начало Руси.
750–1200. СПб.:
Дмитрий Буланин,
2000. С. 167–205.

лежали далеко от среднерусской лесостепи и северных болот. Поэтому охранное предприятие прокладывало и поддерживало торговые пути — физически и институционально. Оно принуждало партнеров к заключению контрактных обязательств, охраняло конвои и предпринимало насильственные действия в случае нарушения контрактов. Оно получало охранную ренту за счет льготных условий торговли для «своих» купцов, которые обеспечивались если не военной угрозой, то предоставлением военной силы для защиты интересов торгового партнера: по договору с Византией русы должны были охранять Херсон, который был критическим пунктом торговых путей из Европы.

2 Борьба на выбывание

На протяжении трех миллионов лет или 99,8 % своей истории, как пишет антрополог Роберт Карнейро, люди жили без государства — в форме общин и автономных групп. Население росло, и общины начинали воевать друг с другом — в первую очередь там, где пригодные для обработки земли были ограничены природными условиями. К первому тысячелетию до н. э. появилось около 600 тысяч автономных политических образований, и с этого момента начался стремительный процесс надпоселенческой агрегации: в течение каких-то трех тысяч лет число таких единиц снизилось с 600 тысяч до 157¹. Сам механизм политической эволюции, благодаря которому возникли государства, Карнейро обозначил как «конкурентное исключение» (*competitive exclusion*). По сути, это синоним понятия «борьба на выбывание» (*Ausscheidungskampf, elimination contest*), которое за тридцать лет до этого использовал социолог Норберт Элиас в книге «Процесс цивилизации».

В Европе наиболее интенсивный цикл борьбы на выбывание длился со времени распада империи Карла Великого в IX веке н. э. (возникшей, в свою очередь, на обломках Римской империи) и до конца XVI века. Сам Карл Великий выступал

прежде всего как военный вождь, и в периоды войны его власть была максимальной. Для успешного удержания завоеванных земель на место прежних правителей он вынужден был ставить своих родственников или сподвижников. Несмотря на клятвы верности, эти ленники и вассалы вскоре стремились укрепить собственную власть, передать ее по наследству, сделав семейной собственностью. Вследствие такой динамики большие вожества (восточных и западных франков) неизбежно распадались на более мелкие уделы, а попытки королей восстановить центральную власть приносили лишь временный успех.

Центробежные тенденции, заложенные в феодальной системе, одерживали верх, но раздробленность дала старт борьбе на выживание. Ее исход был непредсказуем. Как пишет Элиас, «изначально ничто не предвещало того, что одно герцогство — Isle de France — неизбежно станет основой кристаллизации всей нации»¹. К концу

i Carneiro R. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* / ed. by R. Cohen and E. Service. Philadelphia: ISHI, 1978. P. 205–223.

ii Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. С. 19.

Норберт Элиас (1897–1990) — выдающийся социолог, чье творчество связано с Германией, Францией, Англией и Голландией. Основным источником материалов для его социологических исследований послужили исторические данные о формировании государств и королевских дворов, а также ранние педагогические наставления по части хороших манер. Основной вклад в социологию связан с теорией цивилизационного процесса и понятием человеческой «фигурации». Он показал, что установление монополии насилия коррелирует с насаждением «хороших манер», которые способствуют дисциплине аффектов, самоконтролю и снижению порога агрессивности. Элиас стремился показать, как взаимосвязи больших групп людей формируют структуры, как эти структуры меняются и как они определяют характеристики личности.

X века, после того как не осталось прямых наследников Карла Великого, территория бывшего королевства западных франков распалась на множество самостоятельных уделов, боровшихся за наследование. Корону франков в итоге получили Капетинги, владевшие уделом Иль-де-Франс, но она уже не давала реальной власти за его пределами. Герцогства Нормандия, Аквитания и Бургундия, графства Анжу, Вермандуа и Шампань не уступали Иль-де-Франс или даже превосходили его по территории и населению и стали самостоятельными политическими единицами. По сути, это еще были вождества. Но прежде, чем началась борьба между ними, должна была завершиться борьба среди отдельных ветвей рыцарских семейств внутри этих более крупных уделов.

Первые десять лет своего правления в начале XII века Людовик VI Капетинг снарядил несколько военных экспедиций, чтобы присоединить к Иль-де-Франс земли в районе Орлеана. Это повысило его шансы в последующих военных столкновениях с герцогством Нормандия, которое к тому моменту завоевало Англию, а также присоединило графство Бретань. Земли Англии были поделены между нормандскими баронами, и со времен Вильгельма Завоевателя там была установлена система регулярного сбора денежного налога, позволявшая содержать наемное войско и меньше зависеть от удельных баронов. Ресурсы норманнов возросли, и они стали претендовать на гегемонию на территории всего франкского королевства, что сделало военные столкновения неизбежными. Иль-де-Франс потерпело в них несколько поражений, но от падения его спасла внезапная смерть нормандского наследника Генриха I и династический кризис. Последним воспользовались уже графы Анжуйские (Плантагенеты), захватившие континентальные территории Нормандии и создавшие крупный политический союз, тоже претендовавший на главенство.

В последующие 50 лет с переменным успехом путем войн, переговоров и браков решался вопрос о конфигурации земель и их принадлежности. В результате семейных расколов в Анжу и военной победы Филиппа II над этим графством, королевство

«Франция», как он стал его называть, присоединило Нормандию, Анжу, Турень и Мэн, утроив территорию и получив выход к морю. За этим последует присоединение Аквитании, Лангедока и Шампани. Однако вопрос о том, где будет центр формирования будущего государства, был еще не решен. Военное соперничество с Фландрией и Бургундией еще будет продолжаться, а окончательное доминирование Франции наступит лишь после 1453 года по итогам Столетней войны с Англией.

Эта история писалась с разной степенью подробности и драматизма, но важно не упустить ее структурный аспект. В системе автономных политических единиц, где отсутствуют какие-либо внешние сдержки, войне могут препятствовать только высокие шансы взаимного уничтожения. Но если одной стороне удавалось консолидировать силы, заключить союзы или, наоборот, ее ослабляли внутренние раздоры, то баланс стремительно нарушался, следовало военное столкновение и происходил очередной раунд борьбы на выбывание. Этот механизм, писал Элиас, если уже он запущен, работает, как часы.

Конкуренция на германо-римском пространстве Священной Римской Империи была более затяжная, поскольку ни один из центров силы, включая императора, выбираемого курфюрстами, не мог достичь решающего превосходства. В позднем Средневековье на этом пространстве, как пишет историк ван Кревельд, было примерно 300 светских и духовных властителей разного рода, 2000 рыцарей и 85 вольных городов.

Периферия империи (территории преимущественно негерманского происхождения) отпала к середине XV века, сам первый рейх перестал существовать в 1806 году под ударами Наполеона, и процесс формирования государств ускорился. Если до середины XVII века на территории рейха было 900 суверенных политических единиц, то после Тридцатилетней войны и Вестфальского договора их стало 150, а после наполеоновских войн к моменту создания Германского союза в 1815 году осталось 35 единиц, среди которых империя, пять королевств, герцогства, княжества и четыре города-республики. В 1871 году — это уже только одно немецкое государство.

Когда в большом социальном объединении имеется множество мелких, образующих его посредством взаимосвязи друг с другом, которые обладают примерно одинаковой социальной силой, являются свободными, поскольку им не препятствует уже имеющаяся монополия, и способны конкурировать за социальные шансы, т. е. прежде всего за средства производства и средства существования, то появляется очень высокая вероятность того, что в конкурентной борьбе одни из них одержат верх, а другие потерпят поражение. Вследствие этого, все меньшее и меньшее число объединений будет располагать все большими шансами, все большее число объединений должно будет выйти из конкурентной борьбы, оказываясь в прямой или косвенной зависимости от все меньшего числа победителей*.

Норберт Элиас

* Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. С. 105.

Политическая динамика средневековой Руси отличалась от европейской из-за воздействия внешней силы — татаро-монгольской Орды. Поскольку княжества соперничали друг с другом за ярлык на княжение, который давали ханы, консолидации земель в результате такого соперничества не происходило, преобладало дробление. К моменту монгольского завоевания в 1240-х годах на среднерусской равнине было более 15 независимых княжеств, во главе которых сидели потомки Рюрика, а во время татаро-монгольского ига их число возросло до 250. Тем не менее полномочия по сбору дани («выхода») в пользу завоевателей были делегированы одному князю, с которого и был спрос, но по этой же причине его делали великим князем и фактическим вассалом Орды. Первоначально великокняжеский престол (Александра Невского) находился во Владимире, Москва была лишь владимирским уделом, а с 1330-х годов после войны с Тверским и Суздальским княжеством престол переместился в Москву. Пользуясь поддержкой ханства, московские князья сумели захватить соседние земли (Ростовские, Можайские, Угличские, Белоозерские и другие). После военной победы московского князя Дмитрия Донского над Мамаем в 1380 году и распада Золотой Орды политическая динамика стала меняться. Военный престиж Дмитрия позволил ему снова подчинить Тверское и Рязанское княжества, присоединить другие земли и самому решить вопрос о наследовании власти.

Волею ханов Москва осталась в статусе великого княжества, но фактическим доминированием не обладала. Война между потомками Дмитрия Донского, вспыхнувшая после 1425 года, длилась около 30 лет. Структурно она носила характер борьбы не за укрепление и расширение каждого из соперничающих княжеств (Галицкого, Тверского, Суздальского), а за то, какой князь сядет на московский престол и будет именоваться «великим». Эта борьба сопровождалась сражениями, убийствами, отравлениями, пленениями и ослеплениями противников, временным союзом с татарами и взаимным разорением территорий. На московском престоле за это время побывали и сын Дмитрия Донского Юрий, и сыновья последнего Василий Косой

и Дмитрий Шемяка, но закрепился на нем в конце концов внук Дмитрия Донского Василий II «Темный», передавший престол своему сыну Ивану III в 1462 году.

Историк Александр Зимин замечает, что никаких объективных предпосылок для формирования политического центра именно в Москве не было, ее роль и место не были predetermined. Не было там удобных торговых путей, особых ресурсов (соли, железа или пушного зверя), земледелие было тоже хуже развито, чем в соседних землях. В конечном итоге вопрос о политическом центре решился военным путем, а военный успех Москвы, как утверждает Зимин, был обусловлен и закреплён созданием государева двора и нового военно-служивого сословия, которое составило основу войска¹.

Стабилизация власти в Московском княжестве позволила обратить силу как против соседних княжеств, так и против Орды, Литвы и Ливонии. Войной или угрозой войны были присоединены Новгород, Псков, Тверское и Рязанское княжества, Вятка и еще ряд земель. В результате противостояния с Литвой расширились территории на западе. На службу к Ивану III переходило боярство и служивые люди из новых земель, обеспечивая рост великокняжеского двора. Во второй половине XV века структурная динамика формирования русского государства уже была аналогична европейской.

За весь XVI век в Европе было только 25 лет без больших военных операций, а в XVII веке только семь лет прошло без

¹ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 191–209.

крупных войн. Как заметил историк Перри Андерсон, война не являлась «спортом» государей, «она была их судьбой; за пределами ограниченного разнообразия индивидуальных наклонностей и характеров она влекла их неумолимо, как социальное требование их статуса»¹. Войны были основным механизмом «естественного» отбора политических сообществ, они же были и главным драйвером формирования государств, как блестяще показал в своей классической статье социолог Чарлз Тилли . Первоначально в этой великой борьбе на выбывание участвовали различные политические виды: империи, территориальные монархии, города-государства (республики) и даже католическая церковь, некогда имевшая свои армии. Но к моменту окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира в 1648 году первенство закрепилось за территориальными монархиями.

В борьбе на выбывание большую роль играла случайность (внезапная смерть или удача), а также личностный момент — рождение или смерть наследников, семейные раздоры и личные качества военных предводителей. Исход сражений был тоже мало предсказуем. Предопределенность была в другом: поскольку победитель рано или поздно определялся, неумолимо работал механизм образования и укрупнения территориальных единиц и концентрации ресурсов в руках их правителей. Укрупнившись, они продолжали представлять угрозу друг для друга, что вынуждало их изобретать меры, которые бы увеличили их шансы на долгосрочное выживание. Ретроспективно эти меры теперь называют государственным строительством.

3 Три базовых монополии

Основу строительства любого государства образуют три монополии: на применение насилия, на сбор налогов и на юстицию — в границах определенной территории.

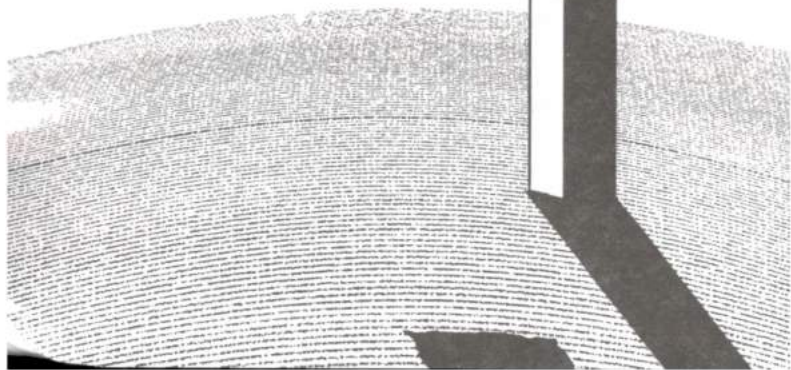
Политическое сообщество обладает монополией на насилие на определенной территории, если оно успешно исключает его

применение другими индивидами или группами, которым оно не делегировало такое право. Несанкционированное насилие называется насилием, и если у политического сообщества достаточно ресурсов, чтобы обеспечить действенность и неотвратимость наказания, то это создает сдерживающий эффект, называемый безопасностью.

Если успешно решалась первейшая задача — защитить домен от внешних угроз, подчинив враждебные или колеблющиеся территории по периметру, то следующим шагом была нейтрализация и разоружение рыцарей и мелких господ, у каждого из которых было свое мини-войско внутри домена. Этому способствовали технические и финансовые изменения. Изобретение арбалета, а затем пороха и огнестрельного оружия обесценили рыцарскую конницу. Дорогие рыцарские доспехи легко пробились новым оружием, и массовая пехота стала куда важнее для ведения войны. Замки местных феодалов теряли свою неприступность перед силой артиллерии. На протяжении всего XV века английские короли династии Тюдоров целенаправленно разрушали замки и распускали вооруженные отряды лордов. Два века спустя на этом же поприще отличился тандем Людовика XIII и кардинала Ришелье во Франции. Многие европейские правители, причем неоднократно, издавали эдикты о запрете дуэлей, приравнивая их к уголовному преступлению, что должно было лишить аристократию привилегии самостоятельно защищать свою честь и перевести споры под

 Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010. С. 31.

 Чарлз Тилли (1929–2008) — социолог, работал преимущественно с историческими данными, исследовал политические процессы, включавшие соперничество и применение насилия. Среди прочего он знаменит тем, что отождествил формирование государства с охранным рэккетом: «Если охранный рэккет есть организованная преступность в ее наиболее упорядоченном виде, то ведение войны и государственное строительство — по сути, тот же охранный рэккет, только узаконенный — вполне можно квалифицировать как важнейшие примеры организованной преступности». См.: Тилли Ч. Война и строительство государства как организованная преступность / пер. А. Малюк. (<http://commons.com.ua/ru/vojna-i-stroitelstvo-gosudarstva-kak-organizovannaya-prestupnost/>)

юрисдикцию монарха¹. Вплоть до XVIII века на суше и море промышляли оставшиеся не у дел армии наемников, разбойники и морские пираты. Но баланс сил все больше смещался в пользу регулярных армий короля, которые либо уничтожали, либо брали на службу неподконтрольные военные формирования.

Развитие денежного обращения, сопровождавшее рост разделения труда и торговли, представляло собой не менее действенное орудие политической централизации. Государь, который смог воспользоваться этим трендом, наладив сбор денежного налога, мог уже держать регулярное войско, усиливать его наемниками, брать на службу мелкое дворянство и оплачивать другие нужды центрального правления. С распадом натурального хозяйства все большее число некогда автономных феодальных сеньоров переходили на службу при дворе, это был единственный способ сохранить доход и статус. Новая социальная конфигурация предполагала превращение воинственных вольных рыцарей в куртуазных придворных с соответствующим повышением порога агрессии и насаждением тонких форм дисциплинирования аффектов путем усвоения «хороших» манер. Детальное описание связи между контролем аффектов агрессии в повседневном взаимодействии и созданием монополий на насилие в масштабах больших территорий есть одно из главных достижений исторической социологии Элиаса.

И Историческая деталь: Ришелье издал такой эдикт в 1626 году, и попытка его исполнения гвардейцами кардинала стала завязкой романа А. Дюма «Три мушкетера».

Сама по себе монополия на насилие не оправдывает больших жертв. Она необходима как средство, открывающее правителю возможность долгосрочной принудительной эксплуатации. Установление фискальной монополии сопровождалось борьбой с местной знатью за право собирать подати, заменой местных сборщиков королевскими фискалами и последующее перераспределение финансов уже по усмотрению центра. Война — это первейший предлог для нарушения ранее незыблемого принципа «король кормится со своего домена» (т. е. с тех земель, которые принадлежат лично ему) и введения новых налогов. При Карле V, замечает Элиас, *aides sur le fait de la guerre* (подати на войну) стали столь же постоянными, сколь и сама война. В XIV–XV веках короли экспериментировали как с прямыми подушными налогами, так и с косвенными, такими как налоги с продаж или налог на скот (*fouage*).

Центрами торговли, а значит объектами денежного сбора, были города. Они могли либо предоставлять ополчение для воинской повинности, либо откупаться от воинской службы. Королевская власть охотно принимала второе и вводила все новые налоги как на отдельные городские общины, так и на сами города. После серии городских восстаний и во избежание новых корона учреждала в городах свои гарнизоны. В Париже, например, устанавливались королевские крепости («бастилии»), в которых сидели *gens d'armes* (люди с оружием, жандармы), обеспечивавшие порядок и своевременные подати. Наконец, в 1439 году французский король Карл VII вводит первый регулярный денежный налог и создает регулярные войска (*compagnies d'ordonance*), которые распределяются по всей территории.

К подобным действиям прибегали все успешные государи — эти действия, собственно, и были секретом успеха. Стоило Ивану III добиться военной победы над ханом большой Орды, он тут же поменял порядок сбора дани. Если ранее великокняжеские грамоты давали право удельным князьям в случае падения на Руси власти Орды оставить себе «выход», который шел в Орду, то Иван III, сумевший окончательно избавиться от ига, тут же отменил это условие, оставив размер дани прежним и присвоив раз-

ницу. Далее он, где мог, сократил оброчный принцип взимания дани: если раньше местные феодалы сами собирали некоторую фиксированную сумму в пользу великого князя, а какова была налоговая база, великому князю было неведомо, то Иван III организовал перепись хозяйств и перешел к прямому сбору с подданных, минуя местных князей. Кроме дани (с сохи или с «дыма») и торгового налога, сначала временно, а потом постоянно были введены новые сборы: «ям» (на перевозку государевых служащих), «подвод», «пищальные» (на пушки), «городное» дело (обязанность строить город) и другие. Освобождения монастырей от тягла стали намного реже и короче по времени¹. Иван IV (Грозный) ужесточил эту политику и даже отобрал земли нескольких монастырей. Но русские государи все же не пошли так далеко, как английские и североευропейские, которые, пользуясь религиозной Реформацией XVI века, конфисковали церковные земли и перенаправили все доходы от них в свою казну.

Войной присоединялись новые земли, новые налоги увеличивали казну, поверженные противники переходили на службу победителя, на казенные деньги росла армия и влияние суверена. Но управлять растущей территорией и различными сословиями, ее населявшими, только с помощью силы и королевских эдиктов было уже невозможно. Долгосрочным инструментом централизации везде становились законы и суды. В Европе это было возрожденное римское право. Но попытки его внедрения

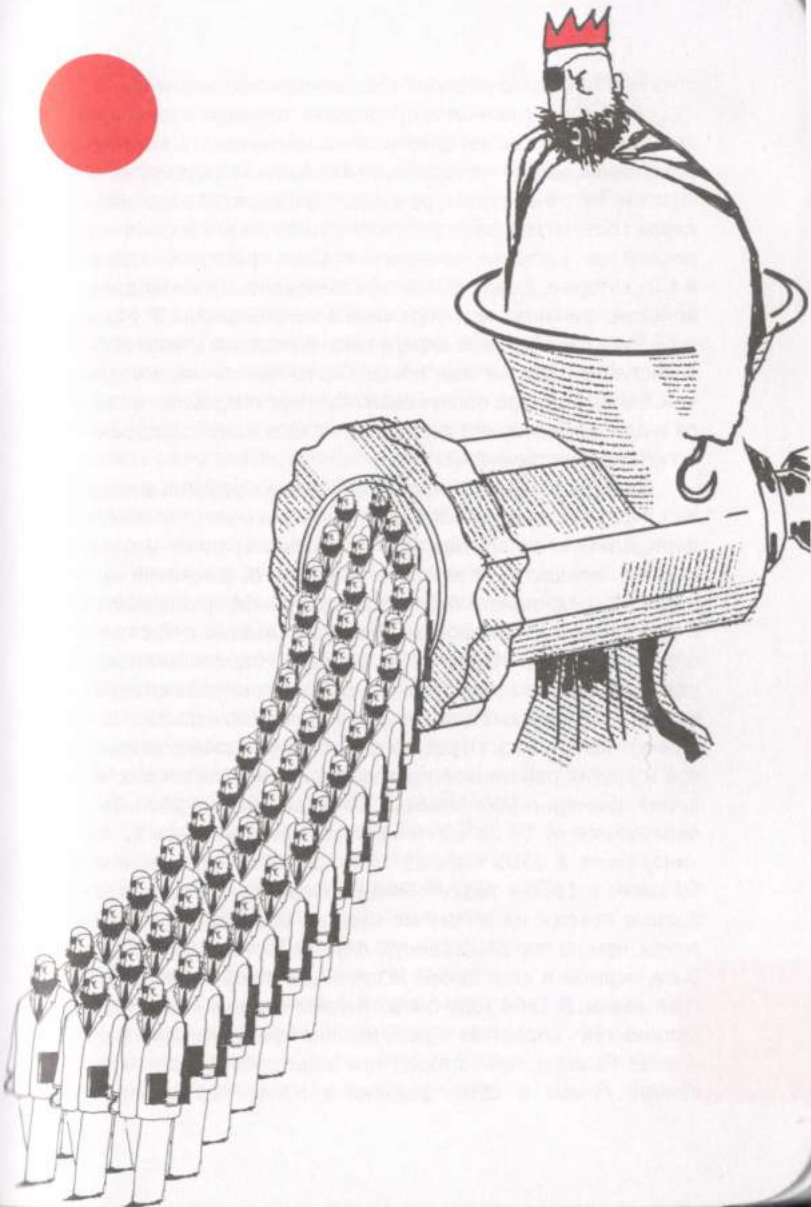
¹ Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988. С. 16.

наталкивались на правовой плюрализм — наличие множества различных правовых порядков и способов правоприменения, с помощью которых регулировалась жизнь отдельных сословий или территорий. Отдельно существовали поместные суды, церковные суды, суды цеховые, купеческие, королевские, причем каждый из них оперировал в своей системе законов или обычаев, а подсудность определялась как территорией, так и статусом участников. При этом исполнение решений таких судов, а значит и функция принуждения, также могла быть и за местным феодалом, и за сословными группами или общинами.

Борьба центральной власти с местными порядками имела и финансовую мотивацию — увеличить доход от судебных пошлин. Судебник Ивана III, введенный в 1497 году, примечателен не только как попытка ввести единые процедуры суда и расправы на всей территории Руси, но и введением нового института служивых людей, дьяков, которые представляли верховную власть. Другая новация судебного — стандартизация судебных пошлин для пополнения казны. Расширение территорий, предпринятое Иваном IV, сопровождалось уже не только введением нового судебного в 1550 году, но и созданием административного аппарата для его применения — системы приказов, которые совмещали судебные и распорядительные функции.

4 От частной монополии к публичной

Первоначально три основания государства, о которых шла речь выше, — это добываемые силой *частные* монополии (на насилие, налогообложение и юстицию). Они являются собственностью верховного правителя и его военных сподвижников и воспринимаются ими исключительно как источник дохода и средства укрепления власти. Это довольно простая структура со слабой дифференциацией, где все зависит от личности правителя. Он лично участвует во всех начинаниях, включая

военные походы, руководит сбором податей, творит суд и т. д. Различий между личными средствами государя и общественной казной нет, как нет функционального и пространственного разделения между государевым жилищем и государственным офисом. Типичная структура высших должностей европейского двора соответствовала структуре частной жизни короля — дворецкий или кастелян, начальник стражи, хранитель гардероба и т. п., которые, в силу близости, назначались на командование войском, финансы или управление провинциями. В Московской Руси ранг боярина определялся близостью к телу государя и доступом в его личные покои. Стольник, ловчий, постельничий, ближние бояре обслуживали частные потребности государя и одновременно его дела, которые еще были государевыми, но не государственными.

По мере роста территорий требовалось все больше служивых людей, которые распоряжались бы властью от имени государя. Длительное господство требовало переписи населения и учета имущества, строительства дорог, обеспечения армии, судов и т. п. Административные функции дифференцировались, и для каждой из них создавались организации с постоянным персоналом. При Иване IV территория Московского царства удвоилась, а число приказов (специализированных штабов для ведения государевых дел, которые изначально назывались «избами») увеличилось с трех до сорока двух. Однако число дьяков и других работников приказов в Москве составляло в это время примерно 500 человек¹. Во Франции с населением, колебавшимся от 18 до 20 миллионов, насчитывалось 12 тысяч чиновников в 1505 году, 25 тысяч в 1610 году и примерно 50 тысяч в 1650-х годах². Ранние бюрократии, однако, были больше похожи на огромные частные корпорации искателей ренты, чем на государственную службу. Торговля должностями была нормой и еще одним источником пополнения королевской казны. В 1604 году была введена система приватизации должностей «полетта» (*paulette*, по фамилии финансиста Charles Paulete), при которой при ежегодной уплате определенной суммы в казну должность могла передаваться по

наследству. Это открыло доступ к государственному управлению верхушке третьего сословия и ускорило формирование служивого дворянства, *noblesse du robe*, снизив влияние главных врагов короля — старых аристократических династий с обширными владениями в провинциях.

Современное государство возникло по мере пространственного и организационного отделения сферы управления общими делами от частной жизни государя, по мере обобществления базовых монополий. Чем более монархи стремились укрепить свою власть, тем сильнее они попадали в зависимость от средства ее реализации — исполнительного аппарата и бюрократии, которая приводила в действие механизмы этой власти. Сила личности правителя и его вовлеченность в дела могла варьироваться от случая к случаю, но исполнительный аппарат неуклонно приобретал черты института, отличного от королевского двора, а последний все больше превращался в пространство ритуала и в декорацию.

В период своего расцвета в XVII–XVIII веках европейские монархии (Англия, Франция, Швеция, Испания, Пруссия) воспринимались как высшая форма государственного устройства, источники культуры и прогресса, примерно как сегодня воспринимаются демократии. Но главное, на тот момент это были самые мощные военные машины в мире. Часть армий по-прежнему состояла из наемников самого разнообразного происхождения, при этом

I Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь в XV–XVI вв. С. 133.

II Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государств. С. 169–170.

доля регулярных войск, которых не распускали в мирное время, а муштровали в казармах и на плацу, росла пропорционально финансовым возможностям. В середине XVI века 80% доходов испанского государства шло на нужды армии, а она насчитывала более 200 тысяч солдат. Если средневековая армия Филиппа II Августа насчитывала 60 тысяч человек, то столетия спустя Людовик XIV командовал 300 тысячами солдат, на которых уходило до двух третей расходов казны. Впрочем, армии и военные авантюры финансировал крупный частный капитал — не только потому, что отказать военному правителю трудно, а еще из-за того, что военный захват территорий в Европе или в колониях был источником экономического роста и приносил сотни процентов дохода.

Стремление нарождающегося государства выжать как можно больше налогов оборачивалось частыми бунтами крестьян и горожан. При Бурбонах (1589–1792) во Франции произошло около 8500 восстаний и мятежей. Для их подавления использовались армии, но для повседневного контроля насилия армии были слишком грубым инструментом. После эпидемии чумы и хлебных бунтов знаменитым эдиктом 1667 года Людовиком XIV была введена должность генерал-лейтенанта (полиции), ответственного за повседневное поддержание порядка — сначала в Париже, а потом и в других городах. Три года спустя появился уголовный кодекс (*l'ordonnance criminelle*). Таким образом функция поддержания порядка внутри домена отделилась от задачи охраны его внешних границ.

На фоне этих изменений администраторы французского абсолютизма произвели концептуальный трюк. Они присвоили античное понятие «полис», изъяли из него изначальное содержание, связанное с совместным правлением свободной городской общины, превратили его в синоним городского порядка, затем наполнили новым смыслом и произвели полицию, *la police* — универсальную науку государственного управления населением. Жан Боден обозначал словом *police* порядок и процветание в городе. Его ученик Кардэн Ле Бре в трактате «О суверенитете короля» (1632) наполнил это понятие новым содер-

жанием: «Я называю полицейским управлением законы и указы, принятые во все времена в хорошо управляемых государствах, дабы регламентировать общественное распределение продовольствия..., чтобы избавиться от злоупотреблений и монополий, могущих возникнуть в торговле; чтобы не допустить порчи добрых нравов; чтобы ограничить роскошь; чтобы изгнать из городов игорные дома и запрещенные игры»¹.

Еще через полвека термин «полиция» будет обозначать детально описанную практику управления населением, распространение которой и будет соответствовать понятию государства — на тот момент полицейского. Этим сдвигом Европа во многом обязана Николя Деламару, автору четырехтомного труда «Трактат о полиции», изданного в 1707–38 годах. Деламар, чье имя теперь носит полицейская школа в Париже, был комиссаром Шатле (окружной суд и тюрьма в Париже), купившим эту должность за 25000 ливров и ставшим видным администратором при Людовике XIV. Его трактат конструирует историю полицейского управления, находит его во всех древних **цивилизациях** и тем самым создает ему родословную. Еще более важно, что текст обладает качеством практического пособия по управлению религией, ремеслами, дорогами, здоровьем, питанием, по обеспечению безопасности и общественного порядка (всего 13 сфер управления). Полиция, пишет Деламар, — это «хороший порядок, от

1 Цит. по: Мишо К. Полицейское управление во Франции при старом режиме // Неприкосновенный запас. 2005. № 4 (42). (<http://magazines.russ.ru/nz/2005/42/misho3.html>)

См. книгу
«Цивилизация»
серии «Азбука
понятий»

которого зависит благополучие государства» (*“ce bel ordre duquel dépend le bonheur des Etats”*)¹.

Обоснованием прусского полицейского государства, *Polizeistaat*, послужила идея разумного порядка и счастья подданных, а средством — новый слой бюрократии, вооруженный регламентами, распорядами и техниками для регулирования жизни. Параллельно развивалась система прикладного знания — *Kameralwissenschaft*, камералистика². Задача полиции в широком смысле слова, говорил крупнейший представитель камералистики И. Г. фон Юсти, «состоит в том, чтобы увеличивать совокупное достояние... государства и счастье его жителей, так что экономика города и села, науки о торговле, горном и лесном деле должны относиться к разряду полицейских»³. Стараниями Петра I и Екатерины II из Пруссии и Швеции идеи камералистики и практики полицейского государства дошли до Российской империи, но их укоренение произошло уже в середине XIX века.

Полиция появилась как модель рационального государственного управления. Это была и область знания, и совокупность политик, но еще никак не специальная организация вооруженных людей в униформе, с чем полиция ассоциируется сейчас. Репрессивные коннотации, связанные с полицией, появились не раньше, чем организовались и выросли числом полицейские силы, взявшие на себя вооруженную охрану порядка и оставившие чиновникам искусство государственного и муниципального управления с его попечением о счастье горожан.

По мере оформления Левиафана личность монарха и прямое насилие перестали играть ключевую роль в отправлении власти, уступив место техникам контроля человеческих множеств или «дисциплинам», как обозначил их французский философ Мишель Фуко (1926–1984) в знаменитой работе «Надзирать и наказывать» (1973). Коррелятом отделения государства от персоны правителя стала децентрация, рассредоточение власти. Реализуясь в повседневной регламентации жизни и деятельности подданных с помощью новых аппаратов управления, повышая эффективность на микроуровне, этот новый

способ осуществления власти сделал архаичным публичное устрашение и весь спектакль, связанный с демонстрацией статуса суверена. При этом полиция обрела важнейшую дисциплинарную функцию: «...она соединяет абсолютную власть монарха с низшими уровнями власти, рассеянными в обществе, — пишет Фуко, — она раскидывает между многочисленными и многообразными замкнутыми дисциплинарными институтами (фабриками, армиями, школами) промежуточную сеть, действующую там, где они не могут действовать, и дисциплинирующую недисциплинарные пространства; но она заполняет бреши, соединяет их между собой, защищает своей вооруженной силой...»ⁱⁱ.

Понятие государства, появившееся в политической теории XVII–XVIII веков и в языке европейского правящего слоя, стало обозначать сферу публичной власти, отдельную как от личности правителя, так и от совокупности подданных. Кто заговорил языком государства? Лексикон «общественного интереса», «пользы отечества», «государственных дел», относящийся к безличным целям, выражал «мысли господства» нескольких групп. Абстрактная лексика была не только способом сопротивления короне без того, чтобы вступать с ней в прямую конфронтацию. Язык служения делу отражал растущее доминирование профессионального чиновника, вытесняющего потомственного аристократа, мораль которого культивировала личную преданность суверену. Это язык полицей-

Камералистика — совокупность различных знаний и навыков, от финансов и администрирования до географии, которые считались необходимыми для рационального управления государством. Преподавалась в немецких университетах с XVIII века.

Филиппов А. Ф. Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 328–340.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2016. С. 262.

ского доклада и протокола. Это был также язык профессиональных юристов, обслуживавших растущую сферу кодифицированного права, предполагавшую абстрактных субъектов.

Но, кроме постепенной и ненасильственной конфискации власти короля его растущим аппаратом во имя усиления самой королевской власти, переход от личной монополии к публичной имел и более конвульсивную, зрелищную форму. Революции, стремившиеся разрушить государство, в итоге лишь усилили его и довели до чудовищного совершенства.

5 Государства и революции

Ядром формирования государств было политическое сообщество, имевшее превосходство в средствах насилия. Повсеместно оно превращалось в потомственную военную аристократию. Земля, доставшаяся завоеванием или службой, составляла основу дохода и идентичности этого сословия. Его основными занятиями были война и управление (в сочетании с моральным запретом на какой-либо труд или работу). Военные навыки, готовность к смерти и обязанность служить составляли источник претензий на особый статус. Носивший оружие был свободным и не платил никому (если платил, то кровью и жизнью), но при этом имел право собирать дань и судить подданных. Несмотря на то что в табели о рангах¹ военная знать считалась «вторым сословием», она повсеместно взяла верх над духовенством или «первым сословием», сначала лишив его средств вооруженной борьбы, затем земель, но оставив привилегии в виде налогового иммунитета. Соответственно, все остальные сословия были податным населением или подданными (под данью), т. е. обязаны были платить в той или иной форме.

За что они платили? Проще всего было бы сказать, что их грабили под страхом смерти. Изначально это могло быть именно так, но господство устойчиво, если изъятие податей регулярное, а не одноразовое и если оно не дорогое, т. е. не вызывает сопротивления и не требует постоянного применения силы.

Превосходящая сила является необходимым, но не достаточным условием долгосрочного господства: последнее требует некоторой степени согласия и кооперации другой стороны. Легитимность основана не столько на мифах о божественном происхождении власти, сколько на том, успешно ли политическое сообщество предоставляет охрану и безопасность, предотвращая насилие извне и между группами внутри. Ведь если государь проигрывал войну, он, как правило, лишался поддержки и власти — закономерность, которая работает в отношении политических лидеров и поныне.

Что на самом деле создавали все политические сообщества, так это охранные предприятия. Охрана может быть навязанной, ибо она предполагает монополию и превосходство в силе, или условно-добровольной; но в ситуации, когда политических сообществ, т. е. угроз, много, она становится неизбежной. Поэтому обе стороны представляют дань как плату за реальные услуги — охрану жизни и имущества, разрешение конфликтов, принуждение к исполнению договоров, т. е. как некоторый контракт, хотя, повторим, свободным его назвать нельзя, поскольку одна сторона способна диктовать его условия.

Логика длительного господства («политическая стабильность») требует ограничения принудительного изъятия со стороны политического сообщества. Экономист Манкур Олсон описал ее через противопоставление «кочевого» и «стационарного»

П Деление на три сословия восходит к средневековому учению Адальберона, епископа Ланского о том, что общество делится на тех, кто заботится о духовном здоровье (духовенство, *oratores*), тех, кто защищает (рыцарство, *bellatores*), и тех, кто трудится и кормит всех (трудящиеся, *laboratores*).

бандита. Для «кочевого» бандита (минимальная длительность господства) рациональным поведением будет требование к жертве отдать все имеющиеся блага. Стационарный бандит, т. е. тот, у которого есть интерес в долгосрочной эксплуатации территории, будет заинтересован в подавлении других грабителей, поскольку они являются конкурентами в борьбе за ограниченные ресурсы этой территории. У него также есть рациональный интерес в том, чтобы забирать только часть и избегать повышения изъятия сверх того уровня, когда каждое последующее повышение и следующее за этим расстройство хозяйственной жизни уменьшает совокупный доход общества на столько, что доля бандита в этой потере такая же, как и его прибавка от повышения его доли в совокупном доходе. Долгосрочный интерес, возникающий в случае достижения прочного политического контроля, «подобно невидимой руке будет заставлять его ограничивать уровень грабежа», пишет Олсон¹.

В реальности сами по себе рациональные долгосрочные интересы не способны поставить надежный предел алчности правителей и их соратников, и в абсолютистских монархиях это проявилось особенно явно. Военное превосходство в силе настойчиво толкало короля и его окружение на очередные авантюры, потом на повышение налогов и на одностороннее нарушение обязательств, если это было выгодно. Государство всегда мыслило в терминах расходов и само не умело их ограничивать. Поскольку профессиональные военные являлись собственниками охранного предприятия, а последнее обладало монополией, то они могли произвольно устанавливать налоги и сборы, т. е. цену этой охраны. Но новые налоги, займы и отказы их возвращать способствовали вооруженной мобилизации все большего числа противников короны и в конце концов начали приводить к насильственной смене формы правления.

Гражданскую войну и революцию в Англии спровоцировали очередные попытки короны изъять средства подданных. В 1625 году Карл I английский ввел принудительные займы с владельцев земли в пользу казны, арестовав тех, кто отказался их давать, начал торговать дворянскими титулами, а потом

установил единоличное правление, не созывая парламент в течение 20 лет. При этом он распространил корабельный налог с прибрежных городов на континентальные, а созвав парламент для согласования новых займов и получив отказ, снова выпустил его. Из-за религиозного раскола к антимонархической аристократии примкнули горожане и простолюдины из протестантских общин, и начавшееся в Шотландии в 1640 году восстание переросло в гражданскую войну. Это была одновременно война парламента против короля и протестантов против власти англиканских епископов, в ходе которой корона потерпела поражение. Карл I был казнен, затем установилась парламентская республика, сменившаяся военной диктатурой Кромвеля, затем реставрацией монархии и, наконец, радикальным ограничением монархии, названным «Славной революцией» 37.

Новый баланс сил был закреплен в «Билле о правах» 1689 года, согласно которому создание армии в мирное время требовало одобрения парламента; к парламенту переходила вся фискальная власть и контроль над расходами; юстиция и судебная власть становились независимыми от короны; гарантировалась свобода слова. Фискальный контроль парламента исключил произвол монарха, создал надежные гарантии прав собственности, поэтому в разы повысил собираемость налогов (ведь те, кто платил их, теперь могли контролировать их расходование) и понизил процентные ставки (поскольку исчезли риски дефолта), сде-

I Olson M. Why the Transition from Communism is so Difficult // Eastern Economic Journal. 1995. Vol. 21. No 4. P. 440.

Корабельный налог (*ship money*) — экстраординарный сбор на строительство кораблей в случае угрозы вторжения с моря, который английский король по традиции мог требовать с прибрежных городов. В случае Карла I имело место явное злоупотребление: он не только потребовал такой налог с городов материковой части страны, но и стал требовать его ежегодно вне связи с угрозой войны.

лав доступными дешевые кредиты для развития промышленности. Еще одним достижением революции стало создание независимого от короны Банка Англии, который мог выпускать бумажные деньги без риска их обесценивания именно в силу того, что не был подвержен расходным аппетитам монарха.

Английский либерализм с его идеей компактного и ограниченного государства отражал уникальное положение самой страны, для управления которой, в какой бы форме оно ни осуществлялось, объективно требовалось гораздо меньше ресурсов, т. е. меньшего аппарата, чем в территориальных монархиях на континенте. Ее островной характер сам по себе служил хорошей защитой от сухопутных европейских армий, не требуя содержания регулярных войск — только флота. Экспортно ориентированное сельское хозяйство было более легким объектом налогообложения в виде таможенных пошлин, не требовавшим громоздкого фискального аппарата. Победа революции, которая выдвинула земельных собственников в положение господствующего класса, более чем на сто последующих лет ограничила рост государства на самих Британских островах, направив его энергию и финансы вовне — для освоения колоний.

Причины континентальных революций были схожи, но последствия радикально отличались. Французской революции предшествовал затяжной кризис государства 1780-х годов и банкротство короны, вызванные расходами Людовика XVI на неудачную войну с Англией и поддержку Американской революции, содержание огромного государственного аппарата и личную роскошь. Попытки повысить налоги встречали сопротивление всех податных сословий, а сохранение иммунитета первого и второго сословия на фоне острого кризиса довело социальное напряжение до предела. Нежелание далее терпеть привилегии объединяло все разношерстные податные слои от финансовой буржуазии до лавочников и ремесленников, но их позитивная идентичность сформировалась новыми понятиями — Третье сословие и Нация. В знаменитом памфлете аббата Сийеса «Что такое третье сословие?», изданном накануне выборов в Генеральные штаты в 1788 году, эти понятия выступают

как тождественные. «Нация существует прежде всего и есть начало всего. Ее воля всегда законна, она — сам закон. <...> Пока аристократия рассуждает о своей чести, а преследует свой интерес, Третье сословие, т. е. **нация** , развивает свою добродетель». Политическое представительство имели 200 тысяч членов высших сословий (80 400 членов духовенства и 110 тысяч дворян), как подсчитал Сийес, а 25 миллионов, составлявших нацию, такого представительства были лишены. Однако история пошла по пути не мирных выборов, как агитировал Сийес, а насильственного захвата власти .

Энергией третьего сословия была сметена монархия (король был обезглавлен) и вся система наследственных дворянских привилегий: иммунитет от налогов и наказаний, монополия на занятие должностей, на политическое представительство, отправление правосудия, охоту и т. д. Точнее всего эту динамику описал Маркс.

Французская революция чаще всего воспринимается через призму идей Просвещения, гуманизма, свободы, равенства и братства. Марксисты видели значение революции главным образом в создании национального рынка и установлении прав частной собственности. Ученые, опиравшиеся на Вебера, смогли переосмыслить революции XVIII–XX веков как часть исторической динамики государства.

«Люди, которые вышли на первые роли во Франции после революции, —

 Sieyès E. J. Qu'est-ce que le Tiers état? Paris: Editions du Boucher, 2002. P. 53, 66.

См. также книгу
«Нация»
серии «Азбука
понятий»

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судебским сословием, — органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но прерогативы феодальных señоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства*.

Карл Маркс

* Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. С. 339.

пишет социолог Теда Скочпол, — были не промышленниками или капиталистическими предпринимателями, а прежде всего бюрократами, солдатами и владельцами недвижимости»¹. Более всего от революции выиграла армия. Открытие офицерских должностей для представителей любых сословий обновило ее состав и устройство: это была уже карьерная профессиональная армия, позволившая подниматься новым талантливым кадрам из провинциального дворянства или третьего сословия. Таковым был и сам Наполеон Бонапарт, чей организационный талант позволил наилучшим образом использовать и новые офицерские кадры, и волну патриотизма для создания массовой национальной армии (за десять лет после прихода к власти Наполеон рекрутировал 2,4 миллиона человек). Сокрушительные походы наполеоновских армий не были бы возможны без того, чтобы революция открыла новые лифты вертикальной мобильности и новые мотивы: воевать за нацию оказалось более осмысленно, чем за короля.

Другим плодом революции стала современная бюрократия. Освободившись от дворянских привилегий, торговли должностями и их наследования, а вместе с ними и от всего клубка личных отношений, государственная служба не только выросла числом (с 50 тысяч до четверти миллиона), но и стала приобретать то качество служения безличному делу, которое характерно для бюрократии. При старом режиме управление финансами

¹ Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 176.

состояло из нескольких генеральских офисов и десятка бюро, отданных на откуп нобилиям и составлявшим их семейный бизнес, неподконтрольный никому, кроме их владельцев. По сути, потомственная военная аристократия контролировала как доходы, так и расходы государства. Вместо всего этого Национальная ассамблея создала единое государственное казначейство под управлением наемных служащих, получавших зарплату и работавших в соответствии с разделением функций и обязанностей.

Начинания Ассамблеи завершил уже Наполеон как первый консул Французской республики. Все старые и новые офисы были реорганизованы по безличным принципам, бывшие владельцы сведены до роли служащих государства, обязанных выполнять волю нации (читай — третьего сословия). После пятнадцати лет работы по кодификации законодательства в 1804 году был принят гражданский кодекс (кодекс Наполеона), заменивший все предыдущие законы, местные уложения и королевские ордонансы. Вместо мозаики удельных владений было введено новое рациональное административное деление страны на 86 департаментов и по всей территории унифицированы правила и процедуры налогообложения и суда. Государство стало инфраструктурой нации.

Штыком и авторитетом эта модель государства была распространена по всей Европе. Сначала это был вполне сознательный «экспорт революции» по мере продвижения наполеоновских армий в сопредельные с Францией страны. Решающим потрясением для европейских монархий стала революционная волна 1848 года, прокатившаяся от Дании до Сицилии. В Дании и Нидерландах она привела к закреплению конституционных и парламентских ограничений монархии, на территории Австро-Венгерской империи — к антифеодальным реформам, а на германских землях, где выступления были подавлены войсками, начались реформы в направлении создания социального государства.

Во всех континентальных революциях, включая китайскую 1911 года и русскую 1917 года, государство было объектом

атаки революционных сил, но в итоге выходило из кризиса гораздо более централизованным и сильным, с более широкими претензиями и возможностями для контроля над населением. В одних странах это было сбалансировано ростом парламентского и гражданского контроля над государственным аппаратом и его политикой, в других такой контроль был установлен намного позже, если вообще установлен.

Смысл буржуазных антимоноархических революций можно понять, отталкиваясь от сравнения государства с охранным предприятием. Если изначально его владельцами были представители потомственной аристократии – профессиональные военные во главе с правителем, а остальные сословия были лишь клиентами, платившими дань, то в результате революций произошла смена собственников. Путем насилия, через конституционные ограничения, парламентские механизмы контроля и новую организацию госаппарата клиенты стали своего рода акционерами и обрели возможность контролировать цену охранных услуг и распределение дохода (т. е. уровень налогов и их расходование), а также влиять на политику использования военной силы. А бывшие собственники потеряли свои исключительные права и стали вынуждены считаться с совокупной волей «миноритарных акционеров», как и с тем фактом, что все, кому делегированы полномочия распоряжаться публичными ресурсами, были уравнены в статусе государственных служащих.

 Национальная конституционная ассамблея (или Учредительное собрание 1789 года) – выборный законодательный орган, который осуществлял разработку конституции и текущее управление страной после революции с 1789 и до 1791 года.

Декларация прав человека и гражданина:

Статья 12

Для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила; она создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена.

Статья 13

На содержание вооруженной силы и на расходы по управлению необходимы общие взносы; они должны быть равномерно распределены между всеми гражданами сообразно их возможностям.

Статья 14

Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, добровольно соглашаться на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевым размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

«Декларация прав человека и гражданина», главный доктринальный текст Французской революции, подсказывает, что современники мыслили переворот именно таким образом.

В черновике «Декларации независимости», написанном Томасом Джефферсоном в 1776 году в момент Американской революции (освобождения от Англии), для обозначения жителей колоний употребляется слово *citizens* (граждане), однако оно вписано вместо другого слова, которое долго не могли прочесть. Спектральный анализ документа в 2010 году показал, что Джефферсон первоначально написал *subjects*, т. е. подданные, но потом вымарал это слово с особой тщательностью так, чтобы никто не смог разобрать¹.

Смена собственников охранного предприятия отразилась в семантическом сдвиге и смене перспективы. В перспективе военной знати, ее взгляде на мир, все остальные — *subjects* (от *subditus*, т. е. подчиненные, подданные), обязанные платить. Переворот в соотношении сил привел к смене коллективного именованного: от подданных к гражданам (*subjects to citizens*). Перспектива граждан — обладание правами, которые государство обязано защищать. В отличие от *citizen* или *burgher* как горожан, т. е. исключительного статуса жителя свободного города или члена корпорации, новое гражданство определялось по отношению к нации и государству. В России слово «гражданин» в смысле третьего сословия и субъекта права появилось

¹ Washington Post. 2010. July 3. P. A1.

в императорских регламентах Петра I и в публицистике XVIII века, отчасти в контексте регламентации городской жизни, отчасти как импорт французского *citoyen*¹. Декабристам не удалось ограничить монархию, и «гражданин» ушел на второй план, остался синонимом «подданного», а не субъектом прав, гарантированных государством.

Но и там, где устанавливался гражданский контроль над государством, такой переворот происходил не одномоментно, а в процессе долгой борьбы и строительства институтов. Далеко не все группы населения, а только имущие мужчины получили гражданские права, т. е. могли участвовать в выборах и политическом представительстве, занимать государственные должности. Для завоевания всеобщих и равных гражданских прав даже в большинстве развитых стран потребовалось столетие, в течение которого такие права получали рабочие, женщины, расовые и национальные меньшинства.

В генеалогии государства есть глобальной важности исключение: США. Их специфика проистекает прежде всего из уникальных особенностей формирования государства, включая его отсутствие на протяжении первых полутора столетий существования этой страны. Она создавалась колонистами и переселенцами, многие из которых бежали от религиозных преследований или в надежде на новые возможности, которых не было в Старом свете, скованном монархиями и сословными ограничениями. Первое, что формировалось заново и на рациональных основаниях, — это общины и общества, которые самостоятельно создавали себе выборную власть, суды и институт шерифов ровно в тех минимальных и локальных масштабах, в которых в них была нужда.

Иными словами, чего изначально не было в Америке, так это тяжелого наследия европейского государства и «феодалного хлама». Вместо феодализма был федерализм, но, правда, не было и всего того, что породил королевский двор и что проходит по разряду «хорошего вкуса», включая манеры, литературу и искусства. Федерального государства не было до начала XX века — у президента не было своей администрации и даже ассистентов,

не говоря уже о каких-либо рычагах регулирования, не было и федеральных налогов, на которые можно было бы строить государство. Индустриализация 1870–90-х годов прошла в Америке без государства, но вызвала концентрацию капитала, неограниченное доминирование и произвол крупного бизнеса, особо рьяных представителей которого на европейский манер прозвали *robber barons* («бароны-разбойники»), как если бы они были рейнскими феодалами. Растущие конфликты промышленной урбанизированной Америки породили спрос на регулирование, прежде всего на защиту конкуренции и правил торговли в масштабах страны, и в 1900-х годах была создана федеральная надстройка¹.

Логика формирования государства в США была, таким образом, обратной относительно европейской. Оно не было навязано «сверху», а процесс шел «снизу», от первичных сообществ. Не бизнес и средний класс освобождался от власти государства, а государство вынуждено было утверждать свою автономию от интересов рынка и его влиятельных игроков. Но первоначальный минимализм, возможный не только благодаря федерализму, но и за счет географии — отсутствия внешних угроз и войн, которые в Европе были основной движущей силой государственного строительства, был изжит в США уже в первой половине XX века. Ограничение государства внутри страны не мешало его экспансии вовне, и стремление участвовать в вооруженных конфликтах на европейском театре во время Первой

ⁱ Дуринова Г. В. Слово и понятие "гражданин" в русском языке XVIII в. // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2015. № 1 (41). С. 18–38.

ⁱⁱ Bense R. *Yankee Leviathan: The Origins of Central State Authority in America, 1859–1877*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

мировой войны стало сильным толчком к росту государства. А в период Великой депрессии 1930-х годов, вызванной не в последнюю очередь избытком рыночной свободы, государство стало генератором спроса и распределителем доходов. Логика минимального государства и господство третьего сословия (или среднего класса) до сих пор определяет узнаваемый культурный стиль американского общества с его характерной простотой и прагматичностью. Экономический успех США поддерживает стремление к экспорту либеральной модели государства, но исключительность институциональной траектории страны ограничивает возможности успешного копирования этой модели.

6 Государство и экономический рост

И все же — невозможно объяснить успешное самоутверждение государства только лишь способностью принуждать. Война и последующее перераспределение — это игра с нулевой суммой, которая не приводит к росту общего благосостояния. Долгосрочное выживание политических единиц, а тем более хозяйственное развитие, связано со способностью доставлять выгоды гражданам, даже если мотивы правителей не выходят за рамки эгоистичного интереса. Какой вклад способны внести государства в хозяйственное развитие, чем они могли обосновать растущие налоги и требования к подчинению?

Элементарное благо, обеспечение которого заявляет любой политический союз, — это безопасность, т. е. защита от разорения и угроз жизни. Это базовое условие хозяйственной жизни. Другим элементарным благом является регулирование конфликтов. Когда правительство берет на себя или даже навязывает защиту жизни и имущества, ограничивая насилие, это меняет ожидания и поведение людей. Перевод конкуренции в ненасильственное русло и гарантии сохранения имущества создают стимулы для кооперации: уверенные в том, что никто

не конфискует будущие выгоды, люди склонны вкладываться в долгосрочные проекты, а не урвать максимум здесь и сейчас.

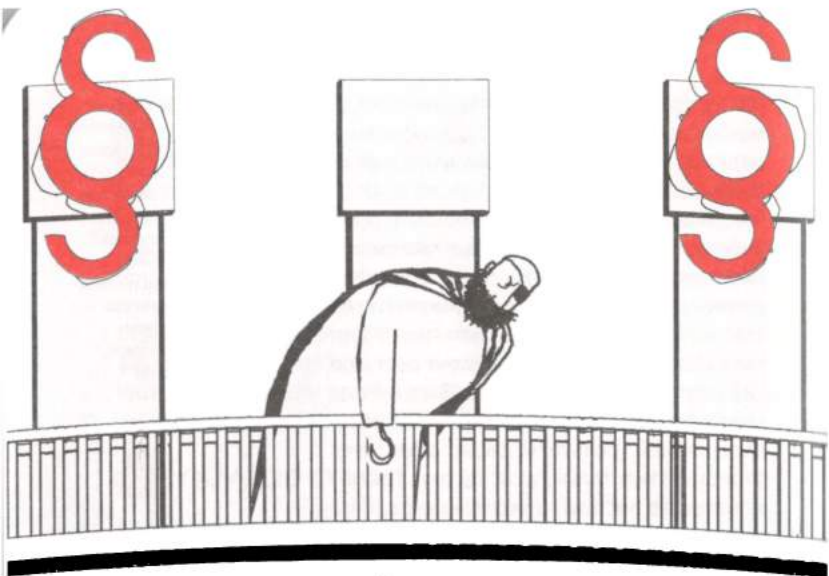
Защита жизни и собственности, регулирование конфликтов — это минимальный набор публичных благ. Проблема в том, что этот набор обеспечивает простое воспроизводство, но не гарантирует рост. Источники экономического роста до сих пор не до конца понятны. Экономические эффекты различных вариантов государственной политики были объяснены экономистами только *post factum*. Правительства же постоянно экспериментировали или копировали действия друг друга, и многие положительные эффекты возникали как непреднамеренные последствия решений «по случаю», а не как результат сознательных экономических программ.

Ретроспективно публичные блага, которые вносят вклад в рост общего благосостояния, можно разделить на институциональные, транзакционные, инфраструктурные и те, которые связаны с человеческим капиталом.

Институциональные блага

Институты — это коллективные понятия о должном или запрещенном, т. е. правила, зафиксированные в сознании людей путем воспитания либо закрепленные письменно, соблюдение которых контролируется посредством положительных или отрицательных санкций. Институты обеспечивают

 Великая депрессия — мировой экономический кризис 1929–39 годов, наиболее остро затронувший развитые страны, прежде всего США. Кризис вызвал к жизни политику широкого государственного вмешательства в экономику путем увеличения налогов, денежной массы и госзаказа.

предсказуемость и упорядоченность поведения, поэтому облегчают соблюдение контрактов и экономический обмен. В малых сообществах институты носят неформальный характер, они не требуют высоких затрат, но и работают только в пределах личных отношений, ограничивая масштабы рыночного обмена.

Что способно сделать государство, так это формализовать правила, обеспечить их соблюдение (или действенность ограничений) и расширить единообразную институциональную среду. Характерный для государства способ действия – издание и распространение законов, фиксирующих права и обязанности индивидов или групп, а также создание специальных организаций, контролирующих правоприменение. За счет единообразия правил открывается возможность вовлечения в отношения обмена большего числа людей, расширения рынков и увеличения разделения труда, а это и есть основные факторы роста. Но реализуется эта возможность лишь при условии, что характер правовых институтов способствует экономической активности, а не препятствует ей.

Речь идет прежде всего о специфике прав собственности – правилах, которые регулируют доступ к ресурсам и распределение выгод от их использования. Экономический анализ институтов выделяет несколько важных моментов. Насколько права собственности обеспечивают возможность получения частной выгоды и защищают от конфискации? Насколько четко

эти права определены и насколько надежно обеспечиваются? На какие группы они распространяются и какие группы исключаются из доступа к правовой защите? Конфигурация этих параметров — соотношение частной и общественной выгоды, надежность гарантий, инклюзивность — стимулирует или блокирует хозяйственную активность и инновации.

Реализация прав собственности предполагает исключение других претендентов или упорядочивание их претензий. Политическое сообщество находится в преимущественном положении, позволяющем определить права для всех участников, включая себя, так как обладает монополией на насилие. Проблема в том, что если политическое сообщество обладает достаточной властью и ресурсами, чтобы защищать права собственности в пределах своей юрисдикции, то оно обладает и возможностью манипулировать этими правами в свою пользу. Экономисты формулируют эту дилемму следующим образом: «Любое правительство, достаточно сильное, чтобы предоставить минимальные институциональные условия для рынков, — например, защищенные права собственности, объективную правовую систему, стабильную денежную систему — также имеет достаточно возможностей, чтобы присвоить богатство своих граждан»¹.

На деле, охрана прав собственности в обмен на инвестиции и налоги не является самовыполняющимся контрактом, поскольку у государства, как более сильной стороны, всегда есть стимулы к его нарушению. Для того чтобы потенциальные инвесторы были уверены в безопасности своих активов и будущих доходов, необходимы жесткие институциональные ограничения, которые бы делали обещания правительства по защите прав надежными. Иными словами, государство должно быть достаточно сильным, чтобы быть в состоянии защищать права собственности, но не настолько сильным, чтобы пересматривать их в одностороннем порядке, т. е. без согласия тех групп, о чьих правах идет речь. Это известно как проблема надежных гарантий (*credible commitment*). Надежность достигается не обещаниями правителя, а жесткими ограничениями, объективно исключающими возможность произвольных действий.

Поэтому решение проблемы надежных гарантий лежит в политической плоскости. Революционные или относительно мирные действия по установлению конституционного и парламентского контроля, свободы слова и независимого суда в ряде стран обеспечили решение проблемы надежных гарантий, позволили увеличить частные выгоды от инноваций и расширили набор социальных групп, которым гарантированы права. Неоинституциональный анализ объясняет причины богатства стран именно такими мерами, а отсталость — неспособностью или нежеланием государства (правлящей элиты) вводить эти институты.

Инклюзивность – степень включенности граждан, социальных групп в систему гарантии базовых прав и свобод, обеспеченных институтами политической власти.

1 Weingast B. The Political Commitment to Markets and Marketization // The Political Economy of Property Rights / ed. by D. Weimer. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 43.

Аджемоглу Д., Робинсон Д.
Почему одни страны
богатые, а другие бедные.
Происхождение власти,
процветания и нищеты.
М.: АСТ. 2016.

Трансакционные блага

К ним относится все то, что снижает затраты на совершение экономического обмена, т. е. транзакционные издержки. К транзакционным благам относятся системы измерения, упорядоченная информация о ресурсах (кадастры, переписи), типовые формы контрактов, технические стандарты, механизмы принуждения к исполнению. Системы измерений долго были локальны, часто весьма экзотичны, и взаимодействие за пределами местного сообщества или города требовало особых усилий по конвертации. Сначала выход был найден в использовании частей тела (локти, футы, сажени, дюймы, и т. п.) или веса какого-нибудь стандартного плода, например веса семени одного из видов бобов.

известного как карат. Но антропометрика, понятно, допускала большие вариации.

Еще в 1668 году основатель оксфордского философского общества Джон Уилкинс опубликовал «Опыт о подлинной символике и философском языке», где предложил универсальный язык и универсальную метрическую систему, имея в виду облегчение научной и коммерческой коммуникации. Его идея стандартной меры длины равной длине маятника с полупериодом колебания в одну секунду, которую можно точно воспроизвести в любой точке мира, практически соответствовала метру (94 см). Но английское государство на тот момент переживало затяжной кризис, а торговый капитал еще не предъявлял спрос на подобные институты. До революции во Франции было более 700 различных систем мер и весов. Пинта в Париже равнялась 0,93 литра, в Сен-Дени – 1,46, в Сен-эн-Монтань – 1,99, в Преси – 3,33 литра¹. Потребовалась революция и настойчивость Талейрана , чтобы в 1799 году вместо бушелей и ливров ввести универсальную систему мер и весов с ее метрами, гектарами, литрами и килограммами, а потом вся сила бюрократического государства, чтобы распространить ее сначала на территорию Франции, а потом и на весь мир, за исключением британских колоний. В случае Британии эта сила использовалась, чтобы уточнить традиционные единицы измерения и отстоять на территории Содружества футы, фунты и мили, левостороннее движение, вычурные штепсели и другие экзотические стандарты.

Многие элементы стандартизации, такие как фамилии или адреса с номерами домов, вводились для удобства налогового инспектора и почтальона, а переписи и кадастры создавались государствами для учета налоговой базы, рекрутов для армии, возможности добраться до каждого жителя, если это понадобится власти. Прусское государство проявляло научную заботу о надлежащем росте лесов как источнике разнообразных ресурсов, в результате чего в рамках камералистики сформировалась отдельная профессия *Forstgeometer* (что-то вроде лесного геодезиста), использовавшего математику для калибровки и правильного выращивания лесов².

Стандартизация несла огромную коммерческую пользу и гражданскому обществу, удешевляя технические инновации за счет роста масштаба их применения и подготавливая массовые рынки. Распространение промышленных технологий было невозможно без трудоемкой технической стандартизации, которую взяли на себя академии наук и специальные государственные органы (теперь это делают НКО), а также без межгосударственных соглашений, которые унифицировали технические нормы и параметры. Благодаря созданию массивов информации о земле, недвижимости и активах, их стало проще вовлекать в коммерческий оборот и капитализировать.

Инфраструктурные блага

Большинство таких благ изначально имели двойное назначение: они укрепляли военную мощь и власть государства, но при этом создавали долговременные возможности коммерческого использования. Меркантилизм как доктрина государственной экономики времен абсолютных монархий не ограничивался только поощрением экспорта, пошлинами на импорт и стремлением обеспечить приток денег в страну. Жан-Батист Кольбер (1619–1683), министр финансов Людовика XIV и главный меркантилист, создал экономику госзаказа путем строительства портов, военного и торгового флота, дорог и каналов.

Большие инфраструктурные проекты, инженерные сооружения, электрические

i The Quantifying Spirit of the 18th Century / ed. by T. Frängsmyr, J. L. Heilbron, R. E. Rider. Berkeley: The University of California Press, 1990. P. 207.

ii Ibid. P. 326.

 Шарль Морис де Талейран-Перигор — французский государственный деятель, выдвинулся в правительство после того, как был избран в Генеральные штаты от духовенства в 1789 году, участвовал в написании Декларации прав человека и гражданина, министр иностранных дел при Наполеоне Бонапарте, а после реставрации монархии — один из главных европейских дипломатов первой четверти XIX века. Его имя символизирует искусство интриги и дипломатического мастерства. Ему приписывают фразу: «В политике нет убеждений, есть обстоятельства».

и другие сети требовали концентрации ресурсов, управленческой бюрократии, стандартизации, норм безопасности и дорогого обслуживания — всего того, что не под силу было частному капиталу, но в чем могло хорошо проявить себя государство. Инфраструктурные блага не только создавали дополнительный спрос, но и расширяли масштабы рынков, обеспечивая экономический рост.

Кроме инфраструктурных проектов, правительства создают дополнительный спрос (включая спрос на технические инновации) посредством прямого военного заказа и государственных предприятий. Однако грань, за которой государственная бюрократия перестает служить целям развития и вместо этого максимизирует собственный доход, всегда размыта и подвижна. Она не является догмой и зависит от контекста. Политическая конкуренция и парламентские институты служат именно для своевременной реакции на недостаток или избыток государства, для постоянного соотношения расходов государства с общественной пользой. Они критически важны, поскольку отсутствие эффективного контроля за государством, его размером и внешней политикой рано или поздно приводит к разрушению экономики.

Человеческий капитал

Правители, заинтересованные в экономическом росте, понимали значение квалифицированной рабочей силы, технических изобретений, науки и образования задолго до появления термина «человеческий капитал». Привлечение в страну людей с редкими навыками, создание под патронажем короны университетов, научных обществ, академий наук и специализированных инженерных школ — это светлая сторона абсолютистских монархий XVII–XVIII веков. Накопление научных открытий и знаний в период абсолютизма позже дало возможность превратить их в массовые технологии индустриализации — когда буржуазные революции изменили государство, а оно обеспечило институциональные условия: надежные

права частной собственности и возможность удешевления технологий за счет их масштабирования.

Принципиальные сдвиги, такие как обязательное начальное и среднее образование за государственный счет, начались под влиянием науки полицейского управления в Пруссии и Баварии, а потом распространились на другие немецкие земли. Всеобщее начальное образование в Европе восходит к указам Фридриха Вильгельма прусского 1763 года и созданию первого в мире министерства образования в Баварии в 1802 году. «К 1837 году 80 % детей в Пруссии посещали школу, и, чтобы дать им такую возможность, были приняты первые законы о запрете детского труда. К середине века 80 % взрослого населения Пруссии было грамотным по сравнению лишь с 50–65 % в Великобритании и во Франции. Только один из десяти прусских военных новобранцев не имел школьного образования». По итогам франко-прусской войны военный министр победно сообщил королю Вильгельму I в 1866 году, что «победу при Кёниггреце одержал прусский школьный учитель»¹. Это окончательно склонило Францию и другие страны Европы к масштабным инвестициям в массовое образование.

Обладая возможностями изымать, концентрировать и перераспределять общественные ресурсы, государство в XX веке стало более жестко определять отраслевое развитие и параметры народного хозяйства,

Ван Кревельд М.
Расцвет и упадок
государств. С. 264, 266.

См. книгу
«Университет»
серии «Азбука
понятий»

особенно в периоды экономических депрессий или для преодоления отсталости. Пиком этого тренда стали тоталитарные государства. В них наиболее ярко проявилась двойственность государства: и его откровенно насильственная природа, и возможности обеспечивать ускоренное развитие, мобилизуя ресурсы общества. В левом, советском варианте тоталитарного государства все активы были подчинены государственному контролю. Номинально владельцами собственности были все трудящиеся СССР, но от их имени и для их блага активами распоряжался государственный аппарат под руководством одной правящей партии и ее вождя. Советское государство декларировало, что весь продукт труда направляется на развитие промышленности и общественные блага в виде бесплатного образования, здравоохранения, культуры, отдыха и т. п. На деле такая мотивация работала плохо и дополнялась идеологической мобилизацией и массовым принуждением, периодически переходившим в кампании террора. Правый, фашистский вариант тоталитарного государства также ставил во главу угла идеологию, доминирование одной партии, культ вождя и принуждение, но крупная собственность управлялась корпорациями, а мелкая оставалась частной. Оба государства потерпели крах, лишив жизни рекордное в истории число людей.

Более поздний и умеренный вариант получил название «государство развития» (*developmental state*)¹. Это такая система, где приоритеты для инвестиций определяет не рынок, а государственная бюрократия, претендующая на понимание мировой конъюнктуры и сравнительных преимуществ данной страны. Государство развития идет гораздо дальше, чем создание институтов, регулирование рынка и строительство инфраструктуры. Оно создает экспортно ориентированные отрасли экономики и реализует планы их развития, определяя инвестиционную политику для крупного бизнеса или государственных компаний. Государство развития появилось как в относительно демократических странах, как Япония или Тайвань, так и в авторитарных, как Южная Корея или Сингапур. Их отличает высокая концентрация собственности и неформальное участие

государственных чиновников в управлении активами и распределении выгод.

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть, что один из важных уроков истории состоит в том, что цена порядка — совокупность ограничений и изъятий, накладываемых государством на общество, — должна быть оправданной. Государство должно не только страховать население от скатывания к войне всех против всех, но и приносить долгосрочные выгоды в виде экономического развития и процветания.

П Термин введен в оборот американским экономистом Чалмерсом Джонсоном, который исследовал истоки японского экономического чуда 1970-х годов.

iii. воспроизводство государства

Благодаря Веберу в социологической традиции закрепился образ хорошо организованного европейского государства. На время он затмил собой реальность, поэтому действительная способность государства управлять, равно как и степень согласия управляемых, долго оставались вне поля зрения ученых. Хотя государство часто кажется нам средой, в которой мы живем, как если бы мы все и вправду составляли частички Левиафана, его существование на самом деле зависит от повседневных взаимодействий людей, вовлекаемых в административные процедуры, и от коллективных представлений, обеспечивающих легитимность порядка. Воспроизводство государства — это миллионы ежедневных типовых упорядоченных взаимодействий. Например, общение граждан с полицией, процедуры пересечения границы, вступление в брак, получение пенсионных удостоверений, регистрация по месту жительства, уплата налогов и т. п. В этом взаимодействии важен не только процедурный, но и символический компонент: слова, различения, классификации, единицы измерения, образы. Любое государство живет до тех пор, пока каждый служащий действует не в своем личном качестве, а от имени государства, пока остальные принимают эту «игру» и пока все эти действия вместе проецируют сущность по имени «государство» как общий воображаемый референт таких действий.

В конце XX века социальные науки совершили поворот в сторону повседневной практики, который затронул и исследования государства¹. Предметом изучения стало поведение как госслужащих, так и тех, на кого направлено упорядочивающее

воздействие. В какой степени это воздействие достигает результата? Если раньше ученые изучали либо стабильное государство, либо организованные коллективные вызовы, такие как перевороты и революции, то впоследствии внимание сместилось в направлении диффузных практик сопротивления, действий негосударственных акторов, которые нарушают монополию государств и их суверенитет, не вступая в прямое столкновение. Если в ключевых сферах — контроль насилия, уплата налогов и разрешение конфликтов — взаимодействия людей происходят в обход государства, то что происходит с последним? Новая традиция иногда называется поствеберианской. В ней изучение классических европейских кейсов дополнилось примерами развивающихся стран, а формирование государства — его разложением.

1 Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

1 Повседневное государство

Социальный порядок воспроизводится с помощью научения правильному (правилосообразному) поведению и исключения отклонений. Небольшое сообщество способно это делать самостоятельно, без того чтобы создавать специализированные контролирующие организации. Но для поддержания постоянного порядка на более обширных пространствах требуется систематизация и описание правил и нарушений,

а также создание организаций, которые бы следили за нарушениями, определяли тип и размер санкций, применяли бы их. Иными словами, требуется формализованный социальный контроль. Примером могут быть правила дорожного движения и контроль за их соблюдением. Это в чистом виде сконструированный порядок, поддержание которого создает общественное благо в виде безопасности на дорогах или хотя бы снижения до приемлемого уровня риска поездки из пункта А в пункт Б.

Локальные порядки могут поддерживаться силой обычая, моральными нормами, авторитетом или примером уважаемых людей. Государство устанавливает порядок другим способом — с помощью рационально-легальных процедур. Поскольку в основе порядка лежит ограничение насилия, то наиболее жестким и хорошо организованным является именно этот аспект социального контроля. Представители государства составляют формализованное описание каждого вида запрещенного поступка, определяя размер санкций за его совершение. Часть такой кодификации основана на традиционных запретах и ограничениях (запрет насилия, убийства, кражи, порчи имущества и т. п.), относящихся к *mala in se* . Но чем больше государство претендует на регулирование общества, тем больше запретов, не имеющих оснований в традиционной морали, а криминализованных исключительно силой закона. В разряд уголовных преступлений могут попадать некоторые высказывания,

Mala in se (лат.) — очевидным злодеяниям.

коллективное поведение или действия экономического характера, для которых нет и не может быть естественной нормы, по отношению к которой можно было бы говорить об отклонении¹.

На практике государственный социальный контроль осуществляют специализированные организации. Одни создают или меняют правила, другие следят за их соблюдением и устанавливают нарушения, третьи определяют меру вины и справедливое наказание, четвертые приводят его в исполнение. Внутри полиции, судов и системы исполнения наказания также установлено разделение труда и специализация. Например, полицейские силы, как правило, состоят из подразделений в униформе, которые патрулируют общественные места и одним своим видом должны исключать соблазн запрещенного действия, и тех, которые редко носят форму, а работают «в штатском» — они занимаются раскрытием уже совершенных нарушений и поимкой преступников. Внутри этих подразделений тоже установлена специализация, например в зависимости от типа или тяжести преступления, а также возраста нарушителей.

Теперь представьте все другие бесчисленные разновидности правил и порядков: от кодексов гражданских правоотношений, по которым люди делят имущество, платят налоги, заключают договоры, возмещают ущерб, до технических норм подготовки самолета к полету, санитарных норм ресторана, квалификационных требований к врачу, строительных норм и так до бесконечности. Затем представьте организации, которые обеспечивают толкование этих норм или проверяют их соблюдение, разрешают конфликты, гарантируют исполнение решений и т. п. Все эти организации так или иначе обеспечены кадрами, бюджетами, техникой, униформой и другими средствами по роду деятельности.

Здесь может сложиться впечатление, что все подобные организации, персонал, технические средства и есть государство. Однако это только его часть. Все вышеуказанное можно было бы назвать материальной частью, *hardware* или «железом», если использовать язык компьютерщика. Государством все это

становится благодаря специфике поведения людей, выступающих от его имени, ориентации их действий, их последовательности. Если такой специфики нет, то, как говорил Блаженный Августин, это шайка разбойников **9**. Иными словами, организация приобретает качество государства — или видимость такового (об этом ниже) — благодаря принципам, правилам и процедурам, которые регулируют поведение тех, кто в свою очередь регулирует поведение остальных. Это ориентация на общественный, а не на корыстный интерес, идея служения (или служение идее), подчинение нормам закона, правилам и процедурам, разделение объекта, на который направлена деятельность, и источника дохода. Личный интерес, подавлять который бессмысленно, в таких случаях увязан с карьерным ростом, зависящим от достижений некоторых целевых показателей, связанных с реализацией общественного интереса. Этот практический эталон можно назвать «делать как государство».

Процедуры поведения официальных лиц, государственных служащих уместно сравнить с программой, с *software*. Их необходимо аналитически отделять от материальной части. Хорошо работающее государство — это качественное «железо» и надежный «софт». Если читатель хоть раз сталкивался с идеальной бюрократией (включая полицейского), например где-нибудь в Скандинавии, то не мог не заметить некоторое сходство представителя государства, находящегося при исполнении,

1 До 1903 года кокаин, например, составлял основной ингредиент кока-колы, который оставался в свободной продаже до 1914 года, когда в США был принят закон, запрещающий его продажу. В СССР с 1960 года хранение и оборот иностранной валюты считался особо тяжким преступлением, за которое даже однажды был вынесен смертный приговор. В 1994 году эта норма была отменена, и с тех пор в России уголовного запрета нет, но это не гарантирует того, что оборот валюты не будет криминализован в будущем.

с роботом: минимум эмоций, ничего личного, набор стандартных процедур с предсказуемым результатом, поменять выполнение которых очень трудно. Наверняка у читателя был и противоположный опыт: такое поведение госслужащего в форме, в котором присутствуют эмоции, бытовые обороты, фамильярность и корысть — в этом случае на первый план выходит человек с его личными интересами, а не публичная функция. Если масштабы такого поведения большие, то государство испытывает трудности с воспроизводством и начинает разрушаться.

2 Монополия символического насилия

Серьезный вызов веберианской теории государства был брошен французским социологом Пьером Бурдьё (1930–2002) . Его критика связана с тем, что реализм переоценивает значение силы и принуждения, не отдавая должное символическим формам господства — работающим через представления людей об окружающем мире и через навязывание государственных форм мышления и познания как всеобщих. «Сила в качестве силы действует путем физического принуждения, но также и через представление об этой силе, которое складывается у тех, кто испытывает на себе ее действие», — говорит Бурдьё в лекции 1991 года. И далее: «...нет физического действия, которое в человеческом мире не сопровождалось бы символическим действием» .

Приз, который получает победитель, добившийся монополии на насилие, не сводится только к возможности взимать налоги и с их помощью наращивать арсенал средств принуждения. Он позволяет создавать символический порядок, обеспечивающий признание этой конкретной власти. Речь здесь не только о пропаганде, например нации и патриотизма для мобилизации людей под государственный флаг, а о рутинных действиях. Если монополия — это исключение других, то за

государством закрепляется исключительное право совершать символические действия, наделяющие людей и вещи некоторым статусом или идентичностью. Официальными актами регистрируется имущество или отношения; гербовая печать делает из «бумажки» документ, считающийся подлинным, диплом подтверждает статус того, кому он присужден. Символическая власть порождает целую категорию высказываний, носящих характер «официальных». Используя власть учреждать — праздники, ритуалы, общие расписания, названия — государство структурирует повседневную жизнь сообщества и само естественным образом встраивается в созданные таким образом структуры.

Главная черта официального языка, например, состоит не в том, что на нем говорит одна народность, а не другая. Чувствительный национальный момент (чей именно язык признан официальным) скрывает сам факт нормирования любого языка по мере того, как он становится официальным, т. е. устанавливается силой государственных институтов и воспроизводится в школах. Официальный язык делает маргинальными множество диалектов. Если социальный институт имеет две параллельные жизни, одну объективную в виде правил, другую в виде когнитивных структур, определяющих восприятие и способы мышления, то их соответствие — это именно то, чего добивается государство. Имея монополию на символическое насилие, оно «прививает схожие когнитивные

Пьер Бурдьё — последний представитель классической социологии, антрополог, синтезировавший в своих работах достижения Дюркгейма, Маркса и Вебера, один из адептов прагматического поворота в социальных науках. Бурдьё показал, что социальные структуры воплощены не только в коллективном сознании, как утверждал Дюркгейм, но и в теле человека и проявляются через его предрасположенности и суждения вкуса. Общество представлено им в виде совокупности полей, где происходят игры по определенным правилам за признание и статус, накопление и передачу по наследству различных форм капитала (культурного, экономического, символического).

Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 365.

структуры всему множеству агентов, находящихся в его юрисдикции»⁸⁶.

Символическое господство и юридическая власть действительно заменяют насилие и облегчают воспроизводство порядка, обеспечивая государству если не поддержку, то хотя бы добровольное следование правилам. Однако Бурдьё скорее дополнил, чем отбросил веберовский реализм. Ведь причина, по которой отсылка к государству, будь то в виде факта ношения униформы или произнесения официальных высказываний, должна парализовывать противодействие или даже вызывать желание содействовать, лежит в бессмысленности прямого сопротивления. И эта бессмысленность проистекает не столько из того, что данный конкретный юрист, полицейский или чиновник действует не по своей воле, что как человек он «здесь ни при чем», сколько из понимания, что конечным аргументом в споре с государством все равно будет сила, многократно превосходящая сопротивление в данном конкретном месте.

3 Господство и сопротивление

Так удалось ли государству полностью искоренить сопротивление, достигнув и физического и символического контроля над поведением граждан? Чтобы управлять, необходимо видеть, знать, измерить то, к чему будут прилагаться техники контроля и управления. Переписи дворов и земель в целях обложения налогами известны давно. Но это грубое знание постоянно совершенствовалось, а практики власти становились все менее заметными, приобретая формы просвещения и науки. Первым их увидел, связал вместе и описал Мишель Фуко. Он обозначил это как создание «управляемости» — появление техник управления человеческими «множествами» на основе прозрачности, научного знания, введения рациональных схем и дисциплин (в предыдущей главе Фуко цитировался в связи с полицейским государством) ⁸⁷. Американский антрополог Джеймс Скотт развил этот проект в двух направлениях. Он связал воедино

и описал практики, благодаря которым общества делались «читаемыми», видимыми для взгляда представителя государства, и методы картографирования общества и его ресурсов для нужд управления. Но кроме этого он показал и практики сопротивления, «оружие слабых», причины систематических неудач государства по переустройству общества.

Каким образом государство постепенно приобрело власть над своими подданными? Оно не может управлять, оставаясь слепым, т. е. не зная точно карты земель или лесов, числа людей, их местонахождения, привычек, способов расселения, нравов, объемов их хозяйственной деятельности. Чтобы обрести это знание, надо привести все разнообразие уникальных местных практик к общим измеримым и сравнимым стандартам, мерам, единицам учета. К способам овладения обществом Скотт причисляет такие привычные и на первый взгляд нейтральные практики, как введение фамилий, адресов, кадастровых планов, национальных языков (вместо местных диалектов), единых градостроительных принципов, правовых норм. Их объединяет стремление к простоте и ясности. Это особый взгляд на реальность. Видеть как государство — значит преобразовывать реальность в схемы, планы, стандартные агрегированные показатели, в факты, которые могут быть задокументированы.

Осуществляя повседневное администрирование, государство собирает ресурсы в виде налогов и распределяет их для

П Бурдые П.
О государстве:
курс лекций
в Коллеж де Франс
(1989–1992).
С. 325.

обеспечения работы аппаратов. Для решения первой задачи надо знать размер налоговой базы: оборот и прибыль предприятий, доходы граждан. Для решения второй задачи необходима информация об объеме и результатах работы служащих, на содержание которых идут общественные ресурсы. Способность к повседневному управлению зависит от полноты этого знания. Это и есть уязвимое место государства, сколь сильным бы ни была его способность принуждать. Чем сильнее становилось государство, тем более асимметричные формы приобретало сопротивление. На смену открытому отказу платить — налоговым бунтам, которые не имели шансов перед регулярной армией, — пришли разнообразные способы искажения информации, тактические альянсы налоговых агентов и плательщиков ради взаимной выгоды.

Скотт приводит пример реакции на новые способы налогового учета, введенные во Франции в 1789 году. Налог на недвижимость, уровень которого зависел от размера жилища, было решено привязать к числу окон и дверей в доме. Власти справедливо полагали, что чем больше дом, тем больше окон и дверей, — и налоговому инспектору не требовалось заходить внутрь для измерений, а достаточно было их пересчитать. Результатом стало массовое изменение устройства крестьянских домов — окна заделывались, новые дома строились с минимумом окон, без оглядки на последствия для здоровья населения. Эта система просуществовала во Франции до 1917 года¹.

То, что внешний наблюдатель может принять за неряшливость или дурную эстетику, на самом деле связано с практикой сопротивления. Один из самых массовых способов ухода от налогов на недвижимость в развивающихся странах (особенно в арабском мире, где мало осадков) — построить дом, жить в нем, но создавать видимость того, что он не достроен (без крыши или с незаконченным верхним этажом): пока строение не закончено, оно не подлежит обложению или налог на такое строение ниже, чем на готовое.

Так называемая теневая экономика — это уход части хозяйственной жизни из поля зрения государства путем полного отказа от регистрации предприятия, как правило, из-за высоких

налогов или дорогих процедур регистрации. Более тонкие и разнообразные формы сопротивления государству нацелены не на уход в тень, что несет высокие риски и лишает возможности пользоваться легальными формами защиты, а на снижение издержек легальности — затрат на взаимодействие с государством, включающих налоги, расходы на выполнение требований, содержание штата бухгалтеров и юристов, потраченное время. Повседневные приемы взаимодействия с агентами государства, создания фиктивной отчетности и нахождения общих интересов в процессе рабочего взаимодействия хорошо схвачены в исследованиях по экономической антропологии. Предел налоговым аппетитам государства задается на уровне взаимодействия между предпринимателями и налоговыми инспекторами, в сфере человеческих отношений, которые «подразумевают совместную фальсификацию документов с целью выйти на некий “разумный” уровень платежей»¹.

Казалось бы, больше детальной отчетности — точнее и разборчивее картина реальности, которую должен получить руководитель налогового органа, военкомата, начальник управления полиции, главный врач. Рядовые сотрудники на местах должны передавать «наверх» типовую информацию — о показателях хозяйственной деятельности, преступлениях, нарушениях, здоровье, состоянии инфраструктуры. Обо всем, что затрагивается регулированием и на что идут публичные расходы.

1 Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. С. 77.

2 Панеях Э. Правила игры для русского предпринимателя. М.: Колибри, 2008. С. 114.

Фундаментальная проблема государства состоит в том, что на этой же информации строится, как правило, и оценка работы нижестоящих органов, определяются их штаты и бюджеты. Отдел полиции, к примеру, должен регистрировать преступность, но и оценивается он, в том числе, по количеству преступлений в общественных местах, по росту или падению доли раскрытых преступлений. Для сотрудников, ведущих регистрацию сообщений и учет преступлений, рационально иметь в виду то, как эти цифры будут выглядеть в таблицах и отчетных формах по сравнению с прошлым месяцем или годом. Соответственно, статистика преступности будет неизбежно подгоняться под требуемые цифры: превращаясь в показатель, факт будет искажаться.

Администрирование, таким образом, создает отдельный устойчивый тип отношений — взаимодействие по поводу отчетности, в рамках которого конструируется особая реальность. Претендуя на соответствие фактам внешнего мира, отчетная реальность конструируется наложением интереса подотчетных, т. е. подчиненных уровней госаппаратов, на интересы вышестоящих уровней. Первым нужна положительная оценка их работы, вторым — логичная и понятная картина, не требующая дополнительных усилий для понимания или проверки. В результате коллективного «очковтирательства» (замечательное слово!) государство имеет тенденцию пребывать в мире статистических фикций — слепнет, но плохо это понимает.

4

Приватизация государства

Безопасность и порядок — это общественные блага, предоставляемые государством всем гражданам; они неделимы и из пользования ими невозможно никого исключить. Такие блага предоставляются априорно, на нерыночной основе, в идеале — одинаково для всех вне зависимости от статуса и дохода. Это достигается тем, что общественные блага неразрывно связаны с правами граждан и с обязанностями государства, что, однако, уравновешено обязанностью граждан платить налоги и правом

государства их принудительно взыскивать. Полицейские силы, налоговые службы, суды и контрольно-надзорные органы, поддерживающие базовые монополии государства, являются публичными организациями. Они работают в соответствии со служебными обязанностями, а не коммерческими заказами.

Тем не менее принцип, согласно которому основные публичные функции регулируются бюрократией, а не рынком, продержался недолго. Во многих странах государство не справляется с некоторыми вызовами, например с ростом преступности, особенно на фоне растущих требований к уровню безопасности. Ответом на вызовы стало создание возможностей для того, чтобы граждане и корпорации за отдельную плату повышали свой уровень безопасности и порядка, т. е. частичная передача производства этих благ от государства к рынку.

Рост частного охранного сектора в США начался еще в 1960-х годах в ответ на рост преступности и политику страховых компаний, поощрявших вложения в безопасность. Число частных охранников и полицейских в этой стране сравнялось к концу 1970-х годов, а затраты на общественную и частную безопасность сравнились в 1977 году. В 1990 году соотношение частных охранников и полицейских в США уже составило 2,5:1¹. В странах Европейского союза наблюдался сходный тренд, но не столь радикальный. В 1996 году численность частных охранников в 12 странах, составлявших тогда ЕС, была 160 на 100 тысяч

¹ Cunningham G., Strauchs J., van Meter C. The Hallcrest Report II: Private Security Trends, 1970–2000. Boston: Butterworth-Heinemann, 1990. P. 225.

населения, а полиции – 375 на 100 тысяч. После 2004 года численность частных охранников в ЕС удвоилась, практически сравнявшись с государственной полицией. Отчасти этот рост объясняется вкладом новых стран-членов ЕС, таких как Венгрия, Чехия, Эстония и Словения. В этих странах за распадом государственного социализма последовала приватизация полицейских сил, которую провели бывшие руководители министерств внутренних дел, ставшие владельцами частных охранных фирм.

Аналогичный взрывной рост частного охранного сектора происходил и в России в 1990-е годы и начале 2000-х за счет приватизации избыточного числа сотрудников госбезопасности и милиции, оставшихся не у дел после распада СССР. В ЮАР драйвером приватизации полиции стало падение режима апартеида (власти белого меньшинства, ограничивавшего права чернокожего населения). Возникшее в результате новое государство чернокожего большинства не могло обеспечивать действенную защиту и безопасность: белое и более состоятельное население предпочитало пользоваться частной охраной, а бывшие сотрудники полиции (преимущественно белые) массово переместились в частный сектор. На пике в начале 2000-х годов его численность в ЮАР составила почти 900 на 100 тысяч населения – в три раза выше, чем государственной полиции.

Численность частных охранников и полицейских в первой десятке стран по размеру частного охранного сектора, 2010 год (расчеты автора, см. таблицу).

К 2005 году число частных охранников в мире превысило число полицейских, работающих под присягой (348 против 318 на 100 тысяч населения)¹. Означает ли это утрату государством монополии на насилие? Ответ на этот вопрос зависит от того, какими полномочиями наделены частные охранные фирмы и их персонал, в какой степени государство способно контролировать такие фирмы, насколько они автономны. Если государство применяет процедуры лицензирования частных охранных предприятий и надзора за ними, это значит, что оно делегирует часть полномочий по применению насилия и сохраняет контроль. Кроме того, частные охранники, как правило, имеют полномочия,

	<i>Страна</i>	<i>Частные охранники*</i>	<i>Полицейские*</i>
1	Венгрия	1 047	334
2	Бразилия	790	282
3	Болгария	765	405
4	ЮАР	627	307
5	Россия	525	547
6	Чешская республика	503	415
7	Эстония	450	237
8	Румыния	435	303
9	Ирландия	426	252
10	Великобритания	414	272

* на 100 000 населения

необходимые только для предотвращения преступности или для детективной работы, но они не могут обыскивать, допрашивать, тем более наказывать. Для этого они обязаны обращаться в полицию. Поэтому хорошо организованный «аутсорсинг» некоторых функций и передача их рынку не угрожает государству.

Однако при слабом контроле частные охранные предприятия могут начать собирать неформальные налоги, использовать насилие для решения гражданских споров, превращаясь в конкурентов государства. В Болгарии в 1990-е годы легальными возможностями по созданию частных охранных фирм массово воспользовались организованные преступные группировки,

1 Van Dijk J. The World of Crime. Los Angeles: SAGE Publications, 2008.

состоявшие из бывших мастеров по вольной борьбе или уволенных сотрудников полиции, причем наиболее крупные из них, такие как VIS-1, Club 777 и Sila имели еще и аффилированные страховые компании, с помощью которых легализовывалась параллельная налоговая система. В африканском контексте приватизация насилия используется стратегически: в меньшей степени конкурентами государства и в большей — отдельными фракциями политических элит для получения дополнительных доходов от взимания охранной дани. Наиболее прибыльным охранным бизнесом в начале XXI века является частная охрана судоходства от пиратов в Гвинейском заливе, которую предоставляют нигерийские компании, имеющие офисы продаж в Лондоне (и, по-видимому, устойчивые контакты с самими пиратами).

Правящие элиты некоторых стран третьего мира пошли по пути приватизации более широкого набора государственных функций. В 1985 году в Индонезии была приватизирована таможенная служба — отдана «на откуп» швейцарской фирме Societe Generale de Surveillance. Последней были даны права не только определять объем сборов и взимать их, но и менять некоторые ставки. Этот опыт рекламировался международными организациями как успешный рецепт борьбы с коррупцией. Им заинтересовались и начали его повторять лидеры стран центральной Африки, но их мотивы были иные, чем у генерала Сухарто в Индонезии. Формальная и неформальная приватизация публичных функций представляла удобный источник рент для правящей элиты. В Камеруне, например, на частный аутсорсинг был отдан сбор косвенных налогов и налога с продаж, причем контракт, детали которого остались неизвестны, подписывал лично президент Поль Бийя¹. В большинстве субсахарских стран Африки приватизация государства произошла через давно известные формы патримониального господства — захват власти диктатором и создание группы приближенных для занятия важнейших должностей в государстве и (как правило) в добывающей промышленности с последующим присвоением рент и выводом накоплений за пределы страны.

Накопленный опыт говорит о том, что передача рынку части государственных функций, будь то охрана, таможня или выдача паспортов, не является универсальным способом повышения эффективности и зависит от контекста. В сильном и хорошо отрегулированном государстве такие меры его укрепляют, в слабых государствах — разрушают еще больше.

5 Крах государства (*state failure*)

В колониальный период (примерно до конца 1950-х годов) развитые страны Запада создавали в Африке, Азии, на Ближнем Востоке государства по собственному, «веберовскому» образцу, «поверх» традиционных родоплеменных или общинных структур. Аналогичную политику проводил и Советский Союз — в тех странах, которые освобождались от колониальной зависимости и вставали на «путь социализма». В большинстве стран «третьего мира» государство провозглашалось главным инструментом развития. Как заметил историк экономики Александр Гершенкрон, чем более отсталой является страна, тем большую роль будет склонно брать на себя государство¹. В период холодной войны и соперничества между Западом и СССР обе стороны оказывали финансовую и техническую поддержку элитам стран третьего мира для строительства демократии или социализма.

i Hibou B. The 'Privatization of the State': North Africa in Comparative Perspective // *The Dynamic of States: The Formation and Crisis of State Domination* / ed. by K. Schlichte. Aldershot: Ashgate Publ., 2005. P. 83.

ii Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. P. 28.

iii **Субсахарская («черная») Африка** — территория к югу от пустыни Сахара, которая долгое время была отрезана этой пустыней от контактов со средиземноморской цивилизацией.

Однако уже в последние годы СССР соперничество за третий мир потеряло смысл и поддержка ослабла. Этим воспользовались местные военные группировки, вожди и родоплеменные группы, стремясь захватить государство для собственного обогащения. В результате в субсахарской Африке вспыхнули этнические или межплеменные конфликты, в центральной Америке возобновились гражданские войны. Распад Югославии и СССР также привел к созданию новых политических единиц, которые плохо справлялись даже с базовыми государственными функциями, а в отдельных новообразованиях, таких как Босния, Грузия, Молдова и Таджикистан, начались вооруженные конфликты. Итогом стало стремительное расширение группы так называемых «слабых» или «разрушающихся» государств (*weak states, failed states*).

В политологии крах государства определяется наличием одного из четырех признаков или событий, в результате которых насильственно подрывается центральная власть:

- 1) Революционная война – насильственные действия военизированных политических групп по свержению и захвату власти. Это, например, Колумбия после 1984 года, Алжир после 1991 года, Таджикистан в 1992–98 годах.
- 2) Этническая война – эпизоды, в которых этнические или религиозные меньшинства стремятся вооруженным путем изменить свой политический статус. Это борьба мусульман на Филиппинах, тамилы в Шри-Ланке, чеченский сепаратизм в России 1990-х.
- 3) Геноцид или истребление людей по политическим признакам, как это было в Руанде в 1994 году, Судане в 1990-х или в Чили в 1973–76 годах.
- 4) Резкое ухудшение политического режима, сопровождающееся нестабильностью и параличом государственных институтов. Это более аморфная группа явлений, отличающаяся от вышеназванных более низкой интенсивностью насилия.

Участники крупного проекта по исследованию феномена *failed states*, которые и ввели эти признаки, установили, что в период с 1955 по 1998 год в мире произошел 251 случай краха

государства (35 геноцидов, 55 революционных войн, 64 этнические войны и 96 потрясений политического режима, из них в 135 случаях эти события накладывались друг на друга)¹. Первый пик таких событий пришелся на 1960-е годы, когда терпели крах колониальные государства, а второй, более значительный пик — на 1990-е годы, это уже разрушение постколониальных и социалистических государств: в той или иной форме ему подверглись до трети всех государств мира. И если в первый период преобладали революционные войны, что соответствует силе соперничавших идеологий того времени, то во второй период это уже преимущественно этнические или религиозные конфликты.

1 State Failure Task Force Report: Phase III Findings. 2000.

6 Россия 1990-х: крах и восстановление государства

Уникальность периода между 1990 и 2005 годами состоит в том, что Россия прошла фазу разложения, восстановления и усиления государства, повторив в ускоренном режиме элементы его исторической динамики. На повседневном уровне сбои в воспроизводстве государства появились еще до распада СССР, когда начали незаметно разлагаться базовые монополии. После введения в 1988 году элементов частного предпринимательства и свободы

торговли в стране стали появляться частные (кооперативные) предприятия в сфере услуг и торговли. Одновременно возникли группы, известные как «рэкетиры», впоследствии как «бандиты», состоявшие из бывших спортсменов или ветеранов афганской войны, уволившихся полицейских, уголовников. Первоначально они занимались простым вымогательством, навязывая охрану от себе подобных. Правоохранительные органы не имели опыта применения закона против вымогательства и были слабо мотивированы защищать права нового частного сектора.

Избыточное предложение людей, владевших навыками применения насилия, не привело бы к столь стремительному формированию организованных преступных группировок (ОПГ) без растущего спроса на услуги, которые они могли предоставлять. Как теперь понятно, переход от государственной к рыночной экономике требовал не только приватизации активов, свободы предпринимательства и либерализации цен, но и обеспечения безопасности, охраны прав собственности, контрактных отношений, решения споров, причем все это на основе законов и их действенного применения. Но для создания новых институтов требовалась огромная работа и время, а главное – сильное государство. Между тем господствовавшая в начале 1990-х годов идеология рыночного либерализма предполагала, что достаточно расчистить экономическое пространство от оков прежнего государства, провести шоковую терапию, и рыночная экономика сформируется сама собой, как только появятся собственники и рыночные сигналы о том, что и в каких объемах надо производить. Пассивность государства на начальной фазе перехода предопределила его крах на последующей.

Реструктуризация органов государственной безопасности, начавшаяся сразу после 1991 года, сопровождалась сокращением штата сотрудников. Более 20 тысяч сотрудников КГБ уволились или были уволены с сентября 1991 года по июнь 1992-го. Многие ушли с работы после кризиса в октябре 1993 года, в том числе и члены специальных элитных формирований по борьбе с терроризмом «Альфа» и «Вымпел». В 1992 году Борис Ельцин подписал указ о сокращении 137-тысячного центрального

аппарата бывшего КГБ до 75 тысяч (на 46 %). Низкие зарплаты и падение моральных устоев в МВД спровоцировали еще больший отток квалифицированных кадров, чем в КГБ. В 1989 году 83,5 тысячи сотрудников МВД были уволены, в том числе 37 тысяч офицеров. Более 30 тысяч оставили службу в 1990 году, и вместо них были набраны новые. В 1991–96 годах МВД ежегодно покидали до 200 тысяч человек, причем четверть из них увольняли за должностные нарушения или уголовные преступления.

Первоначально функции государства на формировавшихся рынках перехватили стихийно созданные ОПГ и сети уволенных сотрудников силовых структур, способные контролировать поведение других и планомерно использовать насилие. С точки зрения их участников, они делали что-то совсем другое: «крышевали», «решали вопросы» и «получали». Но своими действиями они так или иначе компенсировали дефицит безопасности, доверия и информации, создавая примитивные институты для обеспечения обмена на зарождавшихся рынках. Они не знали этого, но они это делали. Применяя угрозы и силу (используя боевое оружие), они разлагали публичную монополию на насилие; собирая регулярную дань, а потом налог с оборота «охраняемых» компаний, они выступали как конкурирующие налоговые органы; используя «понятия» для разрешения конфликтов, они подменяли собой судебные инстанции, причем взымали за это до половины от суммы долга.

Предпосылки такого сценария создавались не только устойчивыми «предложениями, от которых нельзя отказаться», но и плохой государственной политикой. Налоги были установлены на предельно высоком уровне — в совокупности доходили до 90 % прибыли, ставки и правила взимания постоянно менялись, а налоговая служба при этом была плохо организована. Иными словами, издержки легальной экономической деятельности были слишком высокими, особенно по сравнению с качеством регулирования, которое могло предоставить государство. Мотивов регистрировать предприятия и платить налоги у бизнеса практически не было. В 1990-х годах доля теневой экономики колебалась, по разным источникам, от 20 до 45 % ВВП.

Теневой сектор не мог пользоваться государственной защитой и арбитражем и предъявлял спрос на частную охрану и частный арбитраж. А последний навязывали воры в законе или «авторитеты», владевшие обычным правом и процедурами, отработанными еще в советских трудовых лагерях — «понятиями».

Противовесом стихийной приватизации государства поначалу стала приватизация регулируемая, благо у нее были влиятельные интересанты. Закон, регулирующий создание частных охранных предприятий и служб безопасности, был принят в 1992 году, но процесс легальной приватизации насилия — взрывной рост частного охранного сектора — пришелся на середину 1990-х. На 1 июля 1998 года было зарегистрировано 10 804 частных охранных структуры, в которых было занято 156,2 тыс. лицензированных сотрудников. Из них 35,4 тыс. (22,6 %) пришли из МВД, 12,4 тыс. (7,9 %) из КГБ — ФСБ и 1,2 тыс. (0,8 %) из других органов правопорядка и безопасности.

В итоге сформировались устойчивые образцы «силового предпринимательства» — методы и организационные решения, обеспечивающие конвертацию организованной силы в деньги или другие рыночные блага на постоянной основе. Подобно тому, как товары являются основным ресурсом для торгового предпринимательства, деньги — для финансового, организованная сила становится, независимо от ее конкретной социально-исторической формы, главным ресурсом силового

П МВД дает следующие пропорции доли теневой экономики в ВВП по годам:

1991 год — 10–11 %,
1993-й — 27 %,
1994-й — 39 %,
1995-й — 45 %,
1996 год — 46 %.

Госкомстат приводит более низкие цифры:
1992–94 годы — 9–10 %,
1995 год — 20 %,
1996-й — 23 %.

См.: Косалс Л. Теневая экономика как особенность российского капитализма // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 59.

предпринимательства. Автономность силовых структур, как легальных, так и криминальных, позволяла им производить и продавать на постоянной основе некоторый набор институциональных услуг, включая физическую охрану, арбитраж и регулирование¹¹.

К середине 1990-х годов внешние атрибуты российского государства, его *hardware* сохранялись, но на уровне повседневного поведения граждан и госслужащих они стремительно исчезали, поскольку менялись формы контроля, финансовые потоки и способы регулирования. Нарушение воспроизводства государства породило фискальный кризис и ослабление центральной власти. Он усугублялся массовым переходом на бартерные схемы расчетов внутри регионов, позволявшие выжить крупным предприятиям, но делавшие невозможным учет налоговой базы и какие-либо выплаты в федеральный бюджет. На макроуровне росла угроза территориальной дезинтеграции, симптомами которой были провозглашение независимости Чечни в 1992 году и последующая война, создание «Уральской республики» в 1993 году, рост политических полномочий региональных элит. Валовый внутренний продукт в 1990-е годы сократился на 54 %, а падение промышленного производства составило 60 %.

Политика укрепления государства началась на рубеже 1998–99 годов и включала все те элементы, которые в разных комбинациях повторялись в истории многих стран, но в тот момент спрессовались в несколько лет. Это укрепление фискального аппарата и упорядочение сбора налогов; усиление правоохранительных органов и их переподчинение федеральному центру; давление на крупный капитал и лишение ключевых его представителей политических инструментов; ограничение полномочий губернаторов, лишение их иммунитета от уголовного преследования и вывод из состава верхней палаты Федерального собрания; улучшение работы системы арбитражных судов; не в последнюю очередь – демонстрация последовательности в применении военной силы на Северном Кавказе.

В контексте роста мировых цен на энергоносители и, соответственно, экспортной выручки, создание новой налоговой

системы сыграло важнейшую роль, позволив в короткий срок получить ресурсы для укрепления центральной власти и суверенитета. К 2003-му суммарный бюджет так называемых силовых ведомств по сравнению с 1999 годом удвоился в сопоставимых единицах. В 2007 году — утроился и продолжал расти. К 2005 году степень централизации управления, размер аппарата и влияние правоохранительных органов приблизились к экономически продуктивному уровню, а после — превысили его. Дальнейший рост государства делал его бременем, а не стимулом для экономики, однако приток нефтедолларов на некоторое время компенсировал этот дисбаланс. В 2013 году начался новый экономический спад, продолжающийся на момент написания этой главы. В отличие от девяностых, он уже вызван не слабостью государства, а его чрезмерным разрастанием и вмешательством в хозяйственную жизнь.

1 Волков В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

7 Офшоры и торговля суверенитетом

Классическое веберовское прочтение государства акцентирует территорию как важнейшую систему координат. Территории контролируют, расширяют, делят, очерчивают границами, отражают на политических картах — это еще и сакральные «земли», образующие идентичность нации. Казалось, современное государство неотделимо

от пространственного господства. И тем не менее уже во второй половине XX века начал возникать параллельный мир государств совершенно другого свойства, суть которого состоит в отделении суверенитета от территории для его последующей коммерциализации.

После Первой мировой войны в период экономической депрессии сначала европейские страны, а затем и США пошли по пути повышения налогов на частный капитал и государственного вмешательства в экономику. Европейский фашизм обнажил слабость владельцев капитала перед государством, а советский эксперимент доказывал, что развитие возможно и вовсе без них. Осознание уязвимости личной и корпоративной собственности послужило толчком к поиску механизмов защиты активов.

Пока одни государства ужесточали регулирование, несколько небольших юрисдикций — Швейцария, Люксембург, Лихтенштейн, Монако, Гибралтар и Нормандские острова — отказались идти в ногу со временем, сохраняя законы эры *laissez-faire*. В отличие от окружающих государств, они снизили или вовсе отменили налоги, ввели гарантии тайны для собственников и начали продавать счета и юридические лица нерезидентам. Изобретенная бизнес-модель состояла в том, чтобы посредством освобождения от налогов и гарантии тайны владения привлечь максимум вкладчиков и учредителей компаний и получать доход от трансакций, обслуживания счетов и юридических лиц. Такая схема была возможна и потому, что в большинстве остальных стран действовали правовые режимы, позволявшие разделять место юридической инкорпорации и физических операций, т. е. вести бизнес компаниям, зарегистрированным за рубежом. По ту сторону Атлантики Багамские острова сохранили английские корпоративные законы 1866 года и стали убежищем для американских капиталистов, которые не хотели принимать «Новый курс» Рузвельта и платить подоходный налог для богатых, достигший 79 % в 1936 году.

В конце 1960-х годов западное общество совершило еще один левый поворот. В Великобритании к власти пришла партия лейбористов, акции протеста парижских студентов обещали

разжечь новую революцию в континентальной Европе, а в США активизировалось движение рабочих и защитников гражданских прав. Все это побудило правительства повысить налоги и расширить систему социального обеспечения. В ответ на эти изменения группа юристов создала особые правовые режимы на островах Карибского бассейна, в частности на Каймановых и Британских Виргинских островах, которые стали называть «офшорами»¹¹. Когда в Британии к власти вернулись консерваторы, они заключили с этими юрисдикциями соглашения о свободе трансакций, благодаря чему Лондон стал воротами в офшорный мир. Его примеру последовал Амстердам, связанный с Нидерландскими Антильскими островами. От второй волны роста офшорного сектора выиграл Карибский регион. К 1999 году карибский сегмент управлял более чем третью мирового офшорного сектора с объемом услуг в 5–6 триллионов долларов.

Третья волна роста офшорного сектора была вызвана спросом на вывод за рубеж финансов бывших социалистических предприятий и защиту приватизированных активов после распада Советского Союза. Финансовое значение Кипра резко выросло благодаря соглашению о льготном налогообложении и свободе трансакций, заключенном с Россией в 2001 году. С тех пор он является поставщиком счетов и юридических оболочек для российских инвесторов. Кипр неизменно занимает первое место в списке источников

 Laissez-faire (фр.) («позвольте делать», «не мешайте») – термин, в концентрированной форме означающий доктрину рыночного обмена, свободного от вмешательства государства.

 Palan R. The Offshore World: Sovereign Markets, Virtual Places, and Nomad Millionaires. Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 104–106.

 От английского *offshore* – «вне берега» или за территорией. Считается, что современному значению термин обязан появлением в 1960-х годах пиратских коммерческих радиостанций, вещавших на Великобританию без лицензии сначала из Люксембурга (Radio Luxemburg), а потом с барж у побережья Англии (Radio Caroline).

иностранных инвестиций в российскую экономику. Китайские коммунисты для скрытой приватизации активов стали использовать офшор Макао¹.

Консервативная оценка Международного валютного фонда причисляет к «офшорным финансовым центрам» 23 юрисдикции, по другим оценкам, их не менее 80². Помимо многочисленных финансовых центров и корпоративных реестров в этом параллельном мире есть и специализирующиеся на дешевой регистрации морского судна «удобные флаги», среди которых лидируют Панама и Либерия, зоны экспортного производства со сниженными таможенными пошлинами (Мексика, Пуэрто-Рико, Тайвань и Гонконг), офшорные страховые центры (Бахрейн, Бермудские острова и остров Мэн), центры электронной торговли, офшорные казино и даже специализированные центры секса по телефону.

По оценкам ОЭСР, в 2010 году объем находящихся в офшорном секторе финансовых активов составлял от 21 до 31 триллиона долларов. По последним оценкам в 2015 году его объем составляет от 24 до 26 триллионов долларов. К этому надо прибавить до 10 триллионов долларов материальных активов типа недвижимости, яхт, драгоценностей, частных самолетов, нефтяных скважин, объектов искусства и т. п., юридически спрятанных в офшорах своими владельцами от налогообложения, конфискации или раздела имущества в случае развода³. До 90 % этого богатства принадлежит менее 10 миллионам человек или 0,014 населения Земли.

Какова природа офшорных юрисдикций? География и климат имеют значение. Большинство из них представляют собой наногосударства – крохотные земли или острова, часто расположенные в теплых тропических зонах. В таких местах издержки на инфраструктуру (а это важнейшая часть государственных расходов) минимальны. При этом все подобные юрисдикции обладают полноценным суверенитетом и вытекающими из этого правами, включая создание законов и юридических лиц. Двенадцать из тридцати крупнейших «офшорных гаваней» обладают территорией меньше тысячи квадратных километров,

а четырнадцать из них — населением меньше миллиона. Все вместе они занимают 0,23 % земной поверхности. Но при этом являются держателями от 10 до 15 % мировых финансовых активов; через эти точки на карте мира проходит до половины всех финансовых транзакций в денежном выражении.

Если отделить суверенитет от территории, им можно торговать в розницу. Кроме банковских счетов, защищенных режимом секретности, офшоры специализируются на производстве и экспорте юридических лиц (т. е. продают их нерезидентам). Эти юридические лица защищены секретностью и законом — как правило, английским правом, чтобы иметь доступ к английским судам. Ничтожные налоги и отсутствие бухгалтерской отчетности минимизируют затраты на обслуживание таких юридических лиц, но дают все права для ведения экономической деятельности в масштабах планеты. Владельцы таких компаний оптимизируют налоги, избегая прозрачности для правительств тех стран, на территории которых они ведут бизнес. Суверенные экспортеры юридических оболочек, в свою очередь, получают достаточную прибыль, чтобы поддерживать максимально либеральный налоговый и отчетный режим¹².

В одном из старейших офшоров, княжестве Лихтенштейн (примерно 24 км в длину и 6 км в ширину), зарегистрировано около 74 тысяч компаний, что вдвое превышает количество его жителей. На Каймановых островах зарегистрировано

i *Brittain-Catlin W. Offshore: The Dark Side of the Global Economy. New York: Picador, 2006.*

ii Методика МВФ основана на расчете соотношения объема экспорта финансовых услуг к ВВП.

iii *Henry J. Taxing Tax Heaven: How to Respond to Panama Papers // Foreign Affairs. 2016. April 12. (<https://www.foreignaffairs.com/articles/panama/2016-04-12/taxing-tax-havens>)*

iv Минимальные цены офшорной инкорпорации начинаются примерно от 500 долларов, а годовое обслуживание — от 300.

279 банков и более 600 тысяч компаний; в расположенном там офисном центре Ugland House, например, значится 18 тысяч компаний, а работает всего 241 человек¹. По разным оценкам, всего в офшорном секторе зарегистрировано от 1,7 до 3,5 миллионов юридических лиц, что сопоставимо с их числом в ФРГ, Италии или России. Таким образом, глобальная специализация этих наногосударств состоит в массовом производстве юридических лиц на экспорт, что, в силу географических и политических причин, а также эффекта масштаба, получается у них гораздо дешевле, чем у остальных.

Офшорный сектор, однако, порождает все более острые идеологические и политические конфликты. С одной стороны, он олицетворяет либерализм и свободу движения капитала. Его сторонники указывают на то, что конкуренция юрисдикций оздоравливает экономику, поскольку ставит пределы налоговым аппетитам территориальных государств, позволяет более оперативно переносить производство в масштабах мира исходя из соображений эффективности. С другой стороны, критики глобализации справедливо указывают, что офшоры используются для того, чтобы уходить от налогов, выводить прибыль из тех стран, где она производится, делая ее недоступной для учета — скрывать богатства меньшинства от большинства. Это похоже на теневую экономику для богатых. Но если традиционная теневая экономика ограничена сетями личных связей, то офшорный сектор имеет глобальный масштаб и самые совершенные финансовые инструменты.

При наступлении глобальных финансовых кризисов лидеры ведущих стран начинают оказывать давление на офшорные юрисдикции и, как это было в 2009 году, добиваются смягчения режима секретности, т. е. возможности раскрытия счетов и имен владельцев по требованию финансовых властей стран ОЭСР. Тем не менее после нескольких громких процессов против какого-нибудь крупного банка или фонда все возвращается в исходное состояние, а масштабы офшорного сектора не уменьшаются.

Почему не получается «прикрыть» офшорный сектор? Ведь это можно сделать, просто блокировав транзакции из этих

юрисдикций в другие страны. Очевидно, что элиты большинства стран заинтересованы в его сохранении.

Во-первых, офшорные юрисдикции связаны договорами и специальными отношениями с несколькими более крупными странами, такими как Сингапур, Нидерланды, Великобритания, Швейцария и Германия (точнее, с Цюрихом, Лондоном, Нью-Йорком, Франкфуртом, Амстердамом и Гонконгом как глобальными финансовыми центрами). Кроме того, все крупнейшие частные банки имеют дочерние структуры в офшорных зонах. В совокупности это сильная группа интересов, она имеет преимущественный доступ к глобальным финансам, поступающим в офшоры из всех остальных стран мира.

Во-вторых, политические элиты, особенно постсоветских и развивающихся стран, заинтересованы в том, чтобы повысить ренты и снизить уровень ответственности перед своими гражданами путем вывода за рубеж доходов, которые в противном случае поступали бы в бюджет. По последним оценкам, за период с 1990 по 2015 год россияне вывели в офшоры объем богатства, равный примерно 75 % национального дохода страны, а стоимость активов и собственности, которой российские граждане владеют за пределами России, примерно равна стоимости того, чем владеют граждане внутри страны¹¹.

i Aldrick Ph. G20 Summit: Sun Setting on Tax Havens // Telegraph. 2009. April 2. (<http://www.telegraph.co.uk/finance/financetopics/g20-summit/5090593/G20-summit-Sun-setting-on-tax-havens.html>)

ii Оценка группы экономистов во главе с Томасом Пиккетти для Национального бюро экономических исследований США. См.: Novokmet P., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // NBER Working Paper. 2017. No 23712 (August). (<http://www.nber.org/papers/w23712>)

iv. отмирание государства? вместо заключения

Необязательно быть анархистом, чтобы отрицать триумф государства. Его грядущее отмирание с некоторой периодичностью предсказывают пророки разных идеологических убеждений. Их предсказания не лишены оснований, но пока не торопятся сбываться.

Такова, например, оказалась судьба марксистского учения об отмирании государства. Сценарий, намеченный Марксом и Энгельсом, исходил из их же теории происхождения государства как результата появления частной собственности и деления общества на классы. Они предрекали, что, с развитием производительных сил и самоорганизацией трудящихся, последнее, захватив власть, упразднит частную собственность. Это приведет к исчезновению классов. Последним актом государства будет национализация собственности и переход к управлению всем народным хозяйством как единым производством.

Эта утопия так и осталась бы на бумаге, если бы российские большевики не восприняли ее как руководство к действию. За несколько месяцев до революции октября 1917 года Ленин писал: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»¹. Он искренне рассчитывал на то, что, установив диктатуру пролетариата, большевики национализировать собственность, уничтожат деление на классы, научат всех управлению и всем этим подготавливают условия для отмирания государства.

Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 101.

С помощью организованного насилия большевики сразу же попытались превратить коммунизм из утопии в реальность. Эксперимент обернулся катастрофой для хозяйственной жизни и был временно свернут, но в качестве долгосрочной цели преодоление государства было закреплено в первой Конституции СССР 1925 года: «[Конституция] имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». По мере роста государственного аппарата и его вмешательства во все аспекты экономической и гражданской жизни, идея отмирания государства была объявлена «перегибом». Превратившись из средства в цель развития, советское государство разрушило экономику, лишилось поддержки граждан и распалось в 1991 году.

За распадом СССР последовала волна рассуждений о закате государства как такового и конце суверенитета. Крах мировой системы социализма и ее идеологии, построенной вокруг плановой государственной экономики, поднял авторитет конкурировавшей с ней либеральной идеологии. Ядром последней была экономическая свобода и частная собственность при скромной роли государства. Отступление советского социализма сопровождалось экспансией победившей рыночной системы, причем первоначально она происходила силами негосударственных организаций, хотя и при поддержке наиболее сильного государства — США. Переустройством национальных экономик и политических систем занялись международные финансовые организации, транснациональные корпорации и НКО. Сильный эффект в мировой политике произвело создание и расширение Европейского союза, предполагавшего добровольное ограничение государствами ряда базовых суверенных прав, касающихся валютно-финансового регулирования, границ, внешней политики, рынка труда и целого ряда законодательных прерогатив.

Утверждение о том, что глобализация приближает конец национального государства, стало расхожей формулой

Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. <...> Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-по-малу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает**.

Фридрих Энгельс

* Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 28 т. Изд. 1-е. Т. XIV. Философские работы: 1877–1888. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 284.

девяностых. Американский журналист Томас Фридман выразил эту формулу так: «Страны, в которых есть Макдональдс, не воюют друг с другом». Действительно, потоки товаров, рабочей силы, капитала, информации через границы государств настолько выросли, что эти внешние взаимосвязи стали оказывать на общества более сильное воздействие, чем национальные правительства. Последние утратили преимущественное право принимать решения о том, сколько печатать денег, какие устанавливать процентные ставки, что экспортировать или импортировать, куда направлять инвестиции. Отчасти это происходило по воле самих правительств, которые разменивали суверенитет на будущие выгоды от участия в международном разделении труда и притока в страну зарубежных инвестиций.

Взрывной рост средств коммуникации и транспорта создавал новые условия для мобильности капитала и координации, но для их реализации требовалось убрать национальные барьеры. Стандартный рецепт роста для стран третьего мира и бывшей системы социализма был разработан экспертами международных финансовых организаций, названный по месту их написания «Вашингтонским консенсусом»¹. Он включал свободную конвертацию национальной валюты, снятие ограничений на движение капитала и товаров через границы, свободную приватизацию собственности, ограничение госрасходов и принятие пакета законов, гарантирующих права инвесторов. При выполнении этих условий правительства могли получить кредиты от МВФ и Всемирного банка, рассчитывать на приток частных инвестиций извне.

По замыслу экспертов, экономическая глобализация работала следующим образом. Каждая страна может получить выгоды от участия в международном разделении труда за счет использования своих конкурентных преимуществ, специализации и большого внешнего рынка сбыта. То, что она производит плохо или дорого, должно импортироваться, то, что хорошо и дешево, — экспортироваться. Для создания специализированных производств — например, автокомпонентов, спортивной обуви или микрочипов — нужно привлечь иностранные инве-

стиции. А это требует свободного валютного и финансового режима, защиты частной собственности, открытых границ и нулевых пошлин.

Начиная с 1990-х годов производство основных компонентов для автомобиля Форд, к примеру, было разнесено по двенадцати странам в зависимости от того, где что было эффективнее производить, потом эти компоненты поступали на сборочные линии в десяти странах, откуда готовые автомобили экспортировались по остальному миру. Когда американская домохозяйка звонит в Ситибанк через дорогу, ей с характерным акцентом отвечает работник колл-центра, расположенного где-нибудь в индийском Бангалоре. То, что трудоемко и индустриально, переносилось в страны с дешевой рабочей силой. Дизайн, инжиниринг, креативные постиндустриальные занятия, а самое главное — центры аккумуляции финансов, оставались в развитых странах. Евро-атлантическое ядро развитых стран и офшорный сектор остались в безусловном выигрыше. Новые возможности от переноса на их территории производства товаров и услуг получил и целый ряд стран, таких как Китай, Вьетнам, Индонезия, Тайвань, Мексика, Бразилия, Индия.

Распределенные производства и мобильные финансы, которые можно перебрасывать из одной страны в другую, дали клубу крупнейших корпораций не только доступ на новые рынки, но и некоторую власть над правительствами третьих стран. Режиму экономической открытости соот-

П Экономическая политика либерализации, сведенная к десяти пунктам и разработанная для стран Латинской Америки экспертами МВФ, Всемирного банка и Министерства финансов США, получила название «Вашингтонский консенсус» в статье экономиста Джона Уильямсона, опубликованной в 1990 году. (<https://piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform>)

ветствовал ценностный и политический компонент в виде получившей новый импульс идеи прав человека и базовых свобод, проводниками которых стали НКО, глобальные СМИ и международные фонды. Политический пафос идеи прав человека свелся к ограничению полномочий государств во внутренней политике. Как часть глобального экономического и гуманитарного дисциплинирования появились рейтинги стран по показателям делового климата, верховенства права, коррупции и т. п.

То, что буржуазные революции прошлого делали с феодальными перегородками и местными порядками во имя национального рынка, политика глобализации стремилась сделать с государственными границами во имя рынка мирового. К странам, открывшим свои экономики для интеграции в международную систему, стал применяться эвфемизм *emerging markets* (становящиеся рынки).

Но обещания глобализации оказались выполнены далеко не для всех стран. Те страны, которые смогли привлечь иностранные производства или продвинуть свои товары, разделили с развитыми странами Запада ее выгоды. Для большого числа стран, включая Россию, новый режим открытости означал колебания курса валют, закрытие местных производств из-за массового импорта, захват коррумпированными элитами контроля над прибыльными производствами и массовый вывод доходов в офшорный сектор. У международных финансовых институтов не оказалось инструментов, которые позволили бы гарантировать, что займы правительствам пойдут на инвестиции, а не на личное потребление членов политической элиты.

Несколько масштабных потрясений мобилизовали критиков глобализации и заставили ученых и политиков ее переосмыслить. Бегство портфельных инвесторов с развивающихся рынков и колебания валют спровоцировали азиатский финансовый кризис 1997–98 годов. По России он ударил падением цен на нефть и дефолтом по государственным долгам. Успех глобализации во многом определялся силой государственных институтов на момент «шокового» открытия страны внешним силам, а провал – их слабостью. Это один из выводов, к которому

пришел нобелевский лауреат и главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц, чья книга «Разочарование глобализацией» (2002) положила начало пересмотру идей «Вашингтонского консенсуса»¹.

Другое разочарование было вызвано более откровенными действиями, де-факто отменявшими принцип суверенитета, впрочем уже объявленный устаревшим. Военная операция НАТО против Сербии 1999 года и последующие военные действия коалиции во главе с США на Ближнем Востоке обосновывались не как война, а как «гуманитарная интервенция», т. е. ограниченное военное вмешательство в дела другого государства для защиты прав человека. Такие интервенции были больше похожи на полицейские операции в отдаленной провинции империи, чем на войну между государствами. Если в культурной и экономической глобализации национальным государствам противостоял экономический интерес, допускавший выбор, и «мягкая сила» культурных образцов, то гуманитарные военные интервенции происходили под флагами вполне конкретных государств. Идейные лидеры американского неоконсерватизма называли вещи своими именами. В 2003 году политические советники Лоуренс Каплан и Уильям Кристол опубликовали манифест, в котором призвали администрацию США использовать беспрецедентную позицию власти и влияния в мире для проецирования силы и вмешательства в конфликты в любой его точке².

Портфельные инвесторы — инвесторы, которые хотят получать дивиденды от владения акциями, но не хотят принимать участие в управлении предприятием. Соответственно, такие инвестиции часто перебрасываются из одной отрасли или страны в другую, вызывая колебания курса акций или валют.

i *Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. New York: Norton, 2002.*

ii *Kaplan L., Kristol W. The War over Iraq: Saddam's Tyranny and America's Mission. New York: Encounter Books, 2003.*

Неолиберальный дискурс заката государства сошел на нет под влиянием новых конфликтов. Оказалось, что в странах, которые инициировали глобализацию, тоже появились социальные группы, которые от нее проиграли. Это и рабочие, теряющие места в связи с переносом производств в другие страны, притоком импорта и иммигрантов, и менее мобильные жители сельских районов, религиозные и национальные общины, стремящиеся сохранить свой традиционный уклад. Движение антиглобалистов можно было бы считать просто периодическим выпуском пара, если бы не «Брекзит» и не внезапная победа Дональда Трампа в США, произошедшие в результате мобилизации этих групп. Ирония заключается в том, что эти символически важные события, обозначившие возврат к суверенитету, произошли именно в тех двух странах, которые исторически всегда были локомотивами глобализации и адептами ограниченного государства.

Теории, связывавшие глобализацию 1990-х годов с концом суверенитета и закатом национального государства, остановились в полушаге от другого навязчивого пророчества: идеи мирового государства. Эта утопия соблазняла многих философов прошлого, включая Гроция, Канта и Спенсера, предвидевших объединение человечества в миролюбивую федерацию, но сильно противоречила реальности военного противостояния государств, конца которому не было видно. Конечно, мир без войны, без военных расходов и с огромным приростом эффективности благодаря единому институциональному порядку очень желаем. Но реализм не позволяет рассчитывать на благие намерения и добрую волю субъектов в отсутствии центрального органа принуждения к мирному сотрудничеству. Даже в теории мировое государство более надежно, чем мирная конфедерация.

Механизм конкурентного исключения, приводящий к укрупнению политических образований, продолжает действовать, утверждают антропологи. Они не смогли избежать соблазна экстраполировать тысячелетний тренд уменьшения числа независимых политических единиц во времени. Собрав данные

о географических размерах всех известных империй и их динамике во времени, антрополог Рауль Нэрол вычислил вероятности образования мирового государства для разных дат. Для 2125 года вероятность политического объединения человечества составляет 0.40, для 2500-го — 0.87, а для 2750-го — уже 0.95^[1]. Продолжая эту работу, антрополог Луис Марано отобразил на полулогарифмической шкале площадь 28 известных империй во времени и, продолжив тренд, установил, что империя покрывает все обитаемое пространство Земли около 3500 года^[2]. Упоминаясь ранее Роберт Карнейро использовал другой метод. Полагая, что число независимых политических единиц в 1500 году до н. э. составляло 600 тысяч, зная, сколько их сейчас (около 200) и спроецировав эту динамику до момента, когда это число будет равняться единице, он получил 2300 год^[3].

Это, понятно, не более чем грубые экстраполяции, предполагающие неизменность тренда последних трех тысячелетий и его равномерность. Но вместо линейного тренда могут быть циклы или еще что-то. Итогом двадцатого века, к примеру, стало увеличение числа государств почти в три раза и при этом — рождение и крах биполярного мира. Проблема, конечно, заключается в том, что никто не в состоянии описать реалистичный сценарий того, как может произойти политическое объединение или что будет драйвером объединения или поглощения одних государств другими. Предсказать технологические измене-

Брекзит (сокращение от *Britain* и *exit*, «Британия выходит», англ.) — название кампании сторонников выхода Великобритании из ЕС, которые победили на референдуме 23 июня 2016 года 52 против 48 % голосов.

i *Naroll R. Imperial Cycles and World Order // Peace Research Society: Papers. 1967. No 8. P. 83–101.*

ii *Marano L. A Macrohistorical Trend toward World Government // Behavior Science Notes. 1973. No 8. P. 35–39.*

iii *Carniero R. The Political Unification of the World: Whether, When, and How — Some Speculations // Cross-Cultural Research. 2004. Vol. 38. No 2. P. 176.*

ния практически невозможно. Появление ядерного оружия, например, ограничило применение вооруженной борьбы в качестве средства политической эволюции, сместив ее в сторону экономико-культурных инструментов.

Возможно, свойство глобальных прогнозов состоит в том, что у них есть шанс сбыться, только если они никому неизвестны. Ибо если они начинают овладевать умами, то неизбежно меняют исходные условия, в которых были сформулированы, провоцируют ответную реакцию. Интенсивность технологических и социальных изменений продолжает расти. И хотя государство как метainститут стало универсальной формой политической организации на планете, ничто не говорит о том, что не появятся другие формы.

Благодарности

Автор благодарен Александру Филиппову,
Михаилу Крому, Олегу Хархордину и Велько Вуячичу
за важные замечания и исправленные ошибки;
Ристо Алапуру за возможность работать в Хельсинки;
своей жене Любви Субботиной
за возможность работать.

Что читать по теме?

Перри Андерсон. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

Пьер Бурдьё. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

Мартин ван Кревельд. Расцвет и упадок государств. М.: ЭРИСЭН, 2006.

Макс Вебер. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вадим Волков. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Михаил Кром. Рождение государства: Московская Русь в XV–XVI вв. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Понятие государства в четырех языках: сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2004.

Джеймс Скотт. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

Теда Скочпол. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Чарльз Тилли. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.

Норберт Элиас. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2.

Vadim Volkov

state

The Price of Order

EUSP Press, 2018. — 160 p., ill.

ISBN 978-5-94380-249-2

Today the state is perceived akin to natural landscape, an everyday third party in human interaction. We use categories created by the state in order to describe and classify our environment. This book gives the reader an opportunity to create a distance in relation to the state and look at it from the critical standpoint. A number of questions then arise. How did we happen to live under the state? What is its genealogy, which social groups created and transformed the state? The nature of the state is explicated by tracing the process of creation of the monopoly of legitimate violence, taxation, and justice. What does the state give in return when it extracts and redistributes resources of society? Breakdowns of everyday reproduction may lead to state failures. To what extent can we trust the prophecies of withering away of the state or its displacement by other forms of regulation? To understand Leviathan in action is the task of this book.

Vadim Volkov

Professor of the European University at St. Petersburg,
Academic Director of the Institute for the Rule of Law.

азбука понятий

Серия «Азбука понятий» — о словах, которые мы все вроде бы знаем, — «демократия», «государство», «культура», «общество», «религия» и множестве других в том же роде. О словах, про которые мы в действительности знаем меньше, чем нужно. Это серия о словах и не только, поскольку вещи, которые они обозначают, имеют отношение к каждому из нас. Это попытка задуматься о том языке, на котором мы говорим. Попытка актуальная именно сейчас, ведь язык в эпоху тотальной вовлеченности людей в общие процессы — политику, глобализацию, риски — во многом утратил свою прозрачность. И вместо того чтобы способствовать пониманию, провоцирует разногласия, делает общение невозможным. Погружаясь в историю слов, очищая их от напластований, образовавшихся с течением времени, мы постигаем то, что они хотят нам сказать. Наша серия «Азбука понятий» должна открыть говорящему его собственный язык. Помочь читателю осмыслить то, что с ним происходит. Сделать его активным участником производства знания о мире и таким образом сделать мир более пригодным для жизни.

az-books.ru

A non-fiction series **Azbuka poniatii (ABC of Concepts)** is a new project of the European University at St. Petersburg. It was designed as a source of knowledge about notions and ideas that are fundamental to any person's place in the contemporary world, such as "state," "culture," or "religion." It is an attempt to reflect on the conceptual language we use every day and, more often than not, take for granted—an attempt that is the more urgent nowadays, since the involvement of the entire populace in spheres and processes that were previously controlled by specialists, such as politics, globalization, and risk-taking, has resulted in conceptual language losing its transparency. Concepts are no longer aids in mutual understanding but provocations that cause disagreement and strife. By immersing ourselves in the history of words and concepts, we can hope to clarify the various strata of meaning that accrued over time and thus make the task of comprehension feasible.

В серии «Азбука понятий» вышли книги

Артемий Магун

Демократия, или Демон и гегемон. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 154 с. : ил. — [Азбука понятий; вып. 1].

ISBN 978-5-94380-205-8

На сайте eupress.ru

Алексей Миллер

Нация, или Могущество мифа. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 146 с. : ил. — [Азбука понятий; вып. 2].

ISBN 978-5-94380-208-9

На сайте eupress.ru

Юлия Вымятнина

Деньги, или Золотая антилопа. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 156 с. : ил. — [Азбука понятий; вып. 3].

ISBN 978-5-94380-217-1

На сайте eupress.ru

Александр Марей

Авторитет, или Подчинение без насилия. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 148 с. : ил. — [Азбука понятий; вып. 4].

ISBN 978-5-94380-225-6

На сайте eupress.ru

Иван Курилла

История, или Прошлое в настоящем. Изд. 2-е, испр. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 168 с. : ил. — [Азбука понятий; вып. 5].

ISBN 978-5-94380-236-2

На сайте eupress.ru

Тимур Атнашев

бюрократия

или игра по правилам

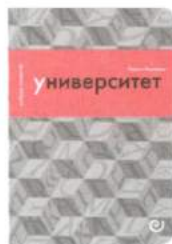

Бюрократия как способ организации устойчивой власти на больших расстояниях существует несколько тысяч лет. Поэтому удивительно, что история слова, которое мы сегодня естественно используем для обозначения столь древней социальной технологии, насчитывает всего два с половиной столетия. Слово буквально изобрел Винсен де Гурме, остроумный предприниматель и администратор, чтобы высмеять чрезмерную и растущую власть представителей государства. Постепенно понятие «бюрократия» задало новую оптику самоописания европейских обществ в переходных фазах Модерности. Как это происходило? Почему в XX веке слово «бюрократия» оказалось одним из инструментов в конкуренции глобальных политических проектов — наряду с «капитализмом», «социализмом» и «демократией»? Как оказалось, что Кафка был учеником Вебера? Как связаны понятия меритократии и бюрократии? Когда в России возникнет рациональная бюрократия вместо административного рынка и можно ли будет в будущем обойтись без нее? Ответы на эти вопросы ищите в книге, написанной Тимуром Атнашевым, старшим научным сотрудником Центра Публичной политики и государственного управления ИОН РАНХиГС.

Татьяна Землякова

университет

или порядок знания

Обычно на университет смотрят лишь как на ступень между школой и работой. Однако этим его роль далеко не исчерпывается. Помимо того что современный университет дает высшее образование и готовит специалистов, он решает и множество других задач — приумножает знание, обеспечивает его преемственность и присуждает ученые степени, содержит архивы и библиотеки, ведет хозяйственную деятельность. Одни университеты больше похожи на монастыри, салоны или издательские дома, другие — на гостиничные комплексы или спортивные центры. Исторически существовали десятки академических моделей и систем, каждая из которых предлагала свой идеал университета и определяла его миссию. Что в таком случае скрывается за понятием «университет»? Всегда ли университет был ядром образовательного процесса и воспроизводства интеллектуальной жизни? Как развивались университетские дисциплины и когда ученые стали профессиональной группой? Как университет получал и терял автономию? Сколько «кризисов» пережил университет и сколько еще способен пережить? Обо всем этом читайте в книге Татьяны Земляковой, PhD candidate in History (European University Institute, Флоренция), магистра политологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Григорий Юдин

общественное мнение

или власть цифр

Каждый день мы сталкиваемся с результатами опросов общественного мнения — из них мы получаем основную информацию об обществе, в котором живём. Общественное мнение играет всё бóльшую роль в современной политике, и опросы начинают использоваться для проведения экспресс-референдумов по ключевым проблемам политической жизни. Но вместе со всем этим возникает немало сложностей. Можем ли мы доверять результатам опросов? Как их правильно интерпретировать? О чём на самом деле говорят эти цифры? Помогают ли опросы общественного мнения развитию демократии? Являются ли опросы наукой или политической технологией? Для того чтобы ориентироваться в цифрах опросов, нужно обладать знаниями в области статистики, политической теории, социологии. Но главное — понимать, откуда взялось понятие «общественное мнение», как менялось его значение и способы его измерения и почему в России оно исторически имеет особый смысл. О том, почему социология не занимается изучением общественного мнения, по каким причинам невозможна репрезентативность и как опросы создают реальность, которую они измеряют, расскажет книга Григория Юдина, старшего научного сотрудника Лаборатории экономико-социологических исследований ВШЭ, профессора Московской Высшей Школы Социальных и Экономических Наук («Шанинки»).

Михаил Велижев

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

или война миров

На первый взгляд кажется, что понятие «цивилизация» прочно и давно вошло в наш языковой обиход. Между тем дело обстоит ровно обратным образом: концепт «цивилизация» появляется в европейских языках лишь во второй половине XVIII столетия, а в русском впервые фиксируется только в 1829 году. В книге мы постараемся ответить на вопросы: что именно побудило европейских мыслителей «придумать» новое понятие? Почему в России долгое время политики и публицисты, рассуждая о развитии человеческого общества, обходились без понятия «цивилизация», а в конце 1820-х годов у них возникла в нем потребность? В каких отношениях исторически находятся два конкурирующих между собой концепта — «цивилизация» и «культура»? Как и когда возникает представление об особенной «русской цивилизации» и что оно означает? Почему философы начинают чаще использовать слово «цивилизация» в период резких политических и экономических трансформаций — например, в эпоху «Великих реформ» в России или в конце XX века, в эпоху «столкновения цивилизаций»? Обо всем этом читайте в книге Михаила Велижева, профессора школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва), специалиста по интеллектуальной истории России и Европы Нового времени, историка русской литературы и культуры имперского периода.

Научно-популярное издание

Вадим Викторович Волков
Государство, или Цена порядка

Серия «Азбука понятий»
Выпуск 6

Научный редактор серии *Д. Я. Колугин*
Редактор, корректор *Е. А. Богач*
Иллюстрации *В. Б. Богорад*
Дизайн, оригинал-макет *А. Ю. Ходот*
Выпускающий редактор *М. Ю. Кондратьева*

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
e-mail: books@eu.spb.ru
тел.: +7 812 386 76 27
факс: +7 812 386 76 39
Сайт и Интернет-магазин Издательства
WWW.EUPRESS.RU
Сайт серии «Азбука понятий»
WWW.AZ-BOOKS.RU

Подписано в печать 20.04.2018. Формат 70×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 3,75. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.

Заказ № 1114.
Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
тел./факс (812) 388-9000

Сегодня государство представляется нам чем-то наподобие естественного ландшафта, ежедневным посредником и контрагентом в человеческих взаимодействиях. Но если посмотреть на государство в социологической и критической перспективе, то возникает множество вопросов. Как с нами случилось государство? Какова его генеалогия, какие социальные группы его создавали и видоизменяли? Что государство дает взамен, изымая и перераспределяя ресурсы общества? Насколько реалистичны пророчества, касающиеся его отмирания? Ответы на эти вопросы ищите в книге «Государство, или Цена порядка».